

Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія

по воспоминаніямъ дѣтства.

Родился я въ 1831 году, въ одной изъ юго-западныхъ губерній, въ деревнѣ, гдѣ отецъ мой двадцать шесть лѣтъ былъ священникомъ. Ровно половину моей доселѣшней жизни, т. е. до окончанія образованія, я связанъ былъ съ деревней. Съ семи и до 25 лѣтъ я учился въ школахъ, проживая три четверти года въ городѣ, но чувствовалъ, что всею душею я жилъ въ деревнѣ, у роднаго очага. Проходилъ я, какъ и мои товарищи, столько наукъ „божескихъ и человѣческихъ“ (какъ тогда выражались—*rerum divinarum humanarumque scientia*), что нынѣшнее поколѣніе въ ужасъ пришло бы при взглядѣ на одинъ списокъ ихъ, и учился прилежно, но казалось только для того, чтобы развлечься, чтобы заморить въ себѣ тоску и томленіе по родной хатѣ, по роднымъ мѣстамъ и лицамъ. Сколько заботъ прилагали о нашемъ воспитаніи наши школьные начальники и наставники! Какая огромная куча правилъ, наставленій, требованій, совѣтовъ, приказаній сопровождала каждый нашъ шагъ, каждое душевное движеніе! На все въ этой кучѣ было руководство: думай, чувствуй, дѣлай, какъ по писаному. Сколько было у насъ искренне преданныхъ дѣлу, самоотверженныхъ и добрыхъ воспитателей и пѣстуновъ! Вотъ хотя бы этотъ старикъ—инспекторъ бursы, который, бывало, прикажетъ тебя пороть, топаешь ногами, приговариваетъ: „вѣдь я порю тебя по любви къ тебѣ... мнѣ больно, а не тебѣ... хочу сдѣлать тебя человѣкомъ (гуманизмъ какой!)... вотъ попищи еще... еще... лучше будешь... довольно... больно? плачешь?“... а у самого тоже слезы на глазахъ! Или этотъ смотритель бursы, архимандритъ, благая и

кроткая душа, который, отправляя на сѣкуцію, предварительно перекрестить тебя нѣсколько разъ, да такъ любовно приговариваетъ: „Богъ тебѣ да поможетъ понести наказаніе... Прими его, какъ отъ самаго Бога... Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное“...: а послѣ сѣкуціи такъ утѣшаетъ и ободряетъ не падать духомъ, но *возирѣвать въ себѣ духа*“... Но—простите меня, добрые мои школьные пѣстуны (умалчиваю о жестокихъ, безчеловѣчныхъ), которыхъ я не мало имѣлъ въ трехъ бурсахъ, переходя изъ одной въ другую, до пятнадцатилѣтняго возраста; мнѣ противны были ваши любовныя заботы, а съ ними и всѣ ваши требованія и внушенія; душа моя всѣми порывами юнаго воображенія и чувства рвалась къ первымъ пѣстунамъ и учителямъ моего дѣтства, къ той завѣтной средѣ, которая вскормила и вырастила меня. Отсиживаешь бывало въ городѣ свой срокъ точно въ тюрьмѣ, въ оковахъ, рвется душа въ деревню точно на волю, точно тамъ все наилучшее въ свѣтѣ. И такъ до самаго окончанія образованія, до полной возмужалости, когда служба насильно прикрѣпила меня къ городу! Добро бы еще тогдашняя украинская деревня въ самомъ дѣлѣ была привольемъ, а то—деревня тяжко-рабская, закрѣпощенная полякамъ и жидамъ, забитая, пьяная, голая и босая! Въ домѣ убожество: большею частію проживаешь одними мочеными сухарями; отецъ трудится до изнуренія и насъ гонитъ въ поле на работу... Кругомъ народъ все изможденный,—въ будень пасмурный, *понурый*,—въ праздникъ пьяный; хаты на куриныхъ ножкахъ, вокругъ большею частію ни кола, ни двора; товарищи дѣтства—ребятишки голодные, какъ собачата; въ воздухѣ вѣчно пахнетъ панскимъ *нашемъ*, *жидовскимъ патынкомъ* и распаренными розгами *становаго*,—такъ и звенитъ постоянно въ ушахъ: „psia wiara! psia krew!“, „ну, ты, музыкъ, швина, Гав-рило“... Да, мрачная, гнетущая была сфера! А между тѣмъ гдѣ-то, въ незримыхъ для пана—жида—становаго слояхъ этой сферы крылось самое нѣжное, здоровое и животворное дыханіе жизни, которое бывало чувствуешь на себѣ на каждомъ шагу и которое разъ испытаетъ—никогда не забудешь!

Бывало—одно приближеніе срока отъѣзда „домой“ измѣняло весь нашъ обыденный, скучный и сонный настрой. Съ каждымъ днемъ тогда мы точно просыпались отъ долгой спячки, вырастали, становились богатырями, „отчаянными“. Само начальство начинало

обходиться съ нами осторожнѣе. „За мной прѣхали“, оретъ счастливецъ, врываясь въ комнату, точно вихорь, и всѣ радостно улыбаются ему. Что за подавляющая тоска у тѣхъ, у кого не осталось въ деревнѣ ни родныхъ, ни присныхъ, осталось только одно неодолимое влеченіе къ родной сферѣ! Но они знаютъ, что товарищи разберутъ ихъ по „своимъ домамъ“. Сироты убогіе, что въ первый разъ, въ 7—8 лѣтъ, за 200—300 верстъ приведены были пѣшкомъ въ бурсу своими матерями, оплаканные ими по дорогѣ съ ногъ до головы, залитые тѣмъ особеннымъ чувствомъ, которое дышало въ цѣломъ существѣ тогдашней убогой вдовицы, эти сироты—„бурсачки“ теперь весело мастерятъ сумочки изъ выпрошеннаго тряпья, готовятъ длинные дорожные посохи и восхищаются мыслію о длинной дорогѣ, босикомъ, безъ гроша за душою, съ ночлегами по полямъ и лугамъ, въ ненастье по крестьянскимъ хатамъ или куренямъ, за крахмой хлѣба, которую ткнетъ у иной хаты сердобольная старуха, приговаривая: „изъ бурсы? сирота? на, моя дитыночко, підпасись, онъ-якъ тобѣ живітъ стягнуло“... Изступленіе какое-то нападаетъ, когда выѣдешь изъ города и очутишься среди спѣлыхъ, золотистыхъ нивъ, увидишь вблизи первую деревню и церковь съ тремя зелеными куполами въ рядъ. Долой шапка, обувь, сертучишко; прыгъ! съ воза,—босыя ноги тонутъ въ теплый, пушистой пыли чернозема... Что за наслажденіе! На поляхъ вяло движутся загорѣлыя, потныя, запыленные лица; на межѣ стоитъ *хлопецъ* съ *близнюками*, свободный отъ шапки, сапоговъ и проч., ухмыляется намъ, кричить: „поповичі!“; по дорогѣ оставилась баба съ *банькою*, приложила руку ко лбу козырькомъ, добродушно привѣтствуетъ насъ: „оце, неначе мішокъ розв'язали!... якъ галычъ, посыпались“... Всѣмъ имъ весело кричишь: „добрыдень“, „помогайбі“, „щасті Боже“... Потянулась длинная дорога, знакомыя деревни, поля, лѣса, лужки, гребли, мосты... Какими живительными кажутся здѣсь палящіе лучи полуденнаго солнца, какими почтенными представляются эти нѣмые труженики на поляхъ, сердито поглядывающіе на торчащаго вблизи *панка* съ *нагаемъ*! Какъ уныло днемъ въ деревнѣ, въ ней все точно вымерло, все на панцинѣ! Съ какимъ благоговѣніемъ перекрестись, когда среди полей, залитыхъ тихимъ, злотистымъ свѣтомъ заходящаго солнца, теплыя волны воздуха издали донесутъ благовѣсть къ вечернѣ! А ночлегъ

у „кринички“ подъ вербою! Съ какимъ напряженіемъ вслушиваешься въ постепенное замираніе природы! Точно истома на всемъ легла: и воздухъ, и травы, и деревья — точно все пластомъ растянулось отъ усталости, какъ и тѣ *кръпаки*, что вернулись съ полей домой и—кто какъ повалился—мертво спять. Какъ сладко и самъ уснешь, какъ бодро встанешь до восхода солнца, умоешься изъ кринички и тутъ-же помолишься, ставши лицомъ къ востоку! Вотъ деревни за деревнями, все знакомые виды, знакомые типы, люди забитые, глуповатые, но добрые, ласковые. Бѣда-ли въ дорогѣ приключилась, увязнемъ въ болотѣ, опрокинемся съ косогора,—прохожіи подойдутъ, посмотритъ, скажетъ: „бѣда... нехай вамъ Богъ допомагає“. Ось сломалась, *майстеръ* въ деревнѣ не водится, или на панцинѣ. „Дасте на кварту горілки (въ то время 10—12 грошей), *помаюжу*“. Тяпъ-ляпъ и что-то дѣйствительно похожее на ось появилось, и доѣдешь на ней домой. Лошадь заболѣла: „кровь треба пустить“, говорятъ одинъ, „занозу зробиць“—совѣтуетъ другой. „Перегонъ, опой, зыла що небудь на паші“... Толкують—толкують и чѣмъ-то поправятъ лошадь. Самъ заболѣешь—„горілочки съ перцемъ або съ сіллю выпий, полегчає“. Послушася—и *полегчає*!

Но вотъ и послѣдняя деревня, вотъ и лѣсъ, за которымъ откroются нивы родныя и за ними верхушки куполовъ родной церкви. И „погоньчъ“, и мы сосредоточенно и парадно настраиваемся, приодѣнемся, приведемъ все въ порядокъ на возу, тихо ѣдемъ лѣсомъ, заранѣе снявши шапки и вперивши очи впередъ. „Господи Іисусе Христе...“, набожно шепчетъ „погоньчъ“ и крестится, раньше насъ увидѣвъ завѣтные купола сквозь прогалину въ чащѣ лѣса. У насъ и молитва замретъ на устахъ! Вотъ и „наше“ село, все знакомыя хаты, еще болѣе осывшія и покачнувшіяся, но тщательно выбѣленные. Вотъ старая, высокая „фигура“ среди села, съ которой, мнѣ всегда казалось, страждущій Спаситель глядитъ на страждущій въ тяжкомъ рабствѣ народъ, какъ-бы и самъ сострадая ему и одушевляя его своимъ примѣромъ. Какъ у мѣста здѣсь это святое изображеніе!—Хаты заколочены, по селу типшина, всѣ на панцинѣ. Только льготный мужикъ, Павло Старснѣкій, плуताетъ ногами по дорогѣ изъ корчмы. „А, пріихали, паньчи - поповичи! Бачите, якій я пьяный... Смійтесь на здоровье“... Вотъ всѣмъ въ селѣ признанная „золото-жінка“, Бондарчукъ, спѣшитъ съ пан-

пины домой, покончивши раньше всѣхъ свою копу, каждый снопъ въ поясъ,—въ одной рукѣ *близюки*, на другой ребенокъ, за плечами свитка, серпъ, банька, колыска и еще что-то, но она весело здороваается съ нами, крѣпко и шибко ступаетъ по дорогѣ, выбивая пыль подъ ногами. Спѣшить домой, чтобы все убрать, помыть, починить, добыть *кизяка* на топку, принести воды, приготовить мужу на вечеръ галупки, розыскать по деревнѣ свое *ямятко* и *поросятко*. Вотъ и наша усадьба, вотъ отецъ на крылечкѣ стоитъ, смотреть намъ на встрѣчу, идетъ къ воротамъ, босой, неодѣтый, изможденный,—бѣжитъ къ воротамъ сестрѣнка наша, одиноко живущая про отцѣ-вдовцѣ, за плетнемъ торчитъ Иванько, старый солдатъ, сторожъ церковный, и видимо готовится брякнуть намъ: „здравія желаю... чово зволте“... Озираемся вокругъ,—тотъ-же убогій домикъ, тѣ-же комора, клуня, загороди, хлѣвы, садочекъ вишневый, тѣ-же собаки.. И все тутъ на мѣстѣ, ничто не перемѣнилось, и все такъ привѣтливо глядитъ на насъ, и такая въ душѣ благодать, такая въ сердцѣ теплота и радость!...

И пошла затѣмъ жизнь, ни съ чѣмъ несравнимая. Чувствуешь, что вырастаешь и крѣпнешь, что живешь полной жизнью, какъ этотъ буйный колосъ на крѣпкоколѣнномъ стеблѣ, какъ этотъ молодой дубнякъ съ его металлическими листьями, какъ эта стройная и сочная трава въ дубовомъ лѣсу. Шире и шире раздвигаются горизонты мысли, повсюду точно кто-то незримо за тобою бродитъ и нашептываетъ смѣлые замыслы, проекты, внушаетъ завѣтные стремленія, священные обѣты и любовь—любовь безъ конца ко всему страждущему и обремененному, ко всякому нищему духомъ, къ своему темному и теплomu народу, къ голой, и босой, и подычающей пьяпой матери—Украинѣ...

Читатель, я вѣдь говорю о времени моего дѣтства, давно прошедшаго: не судите меня по-настоящему. Говорю о деревнѣ того страннаго теперь и сказочнаго времени, когда городъ отдѣленъ былъ отъ деревни цѣлою бездною, когда въ городѣ жили все вольные люди, а въ деревнѣ—все крѣпаки, когда въ городѣ царилъ власть русская, а деревня стонала подъ игомъ польско-жидовскимъ, точно среди одного государства другое расположено было форпостами, бивуакомъ, и внѣ городовъ по деревнямъ власть русская появлялась только наѣздомъ, чѣмъ дѣйствительно признавали въ то

время поляки русскую власть въ украинской деревнѣ, да нельзя было съ этимъ и не согласиться. Говорю о деревнѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, о деревнѣ крѣпостной, когда, послѣ неудавшейся польской революціи 1831 года, польская сила, изгнанная изъ городовъ, изъ правительственныхъ сферъ, вся укрылась въ деревняхъ и, раздраженная неудачею возстанія, вся обрушилась на русскихъ своихъ „подданныхъ“, вымещая на нихъ свою неудачу, мстя имъ за ихъ „измѣну“ польской справѣ и вмѣстѣ торопясь руками крестьянъ поправить разстроенное революціей свое состояніе. Это былъ недолгій, но глубоко трагическій періодъ въ быту украинской деревни, когда повсюду слышенъ былъ одинъ тяжелый стонъ, когда деревенскіе старики со вздохомъ говаривали: „подъ Польшей было народу легче“, когда одни массами бѣжали въ Бессарабію, въ Черноморье, въ Турцію, другіе ждали появленія Хмельницкаго, который выведетъ-бы ихъ изъ рабства полякамъ и жидамъ, или-же Гонты и Желѣзняка, чтобы по крайней мѣрѣ поглумиться надъ своими притѣснителями, къ которымъ наконецъ народъ сталъ причислять всѣхъ и все, кромѣ себя самаго. Тогдашній городъ туло глядѣлъ на эту картину, судилъ и казнилъ „бунтовщиковъ противъ своихъ господъ“; становые и капитанъ-исправники точно для того только и существовали, чтобы именемъ русскаго государства удерживать русскихъ крестьянъ въ полномъ повиновеніи польскимъ помѣщикамъ. Крѣпацкая деревня стонала, но упорно противустояла своимъ панамъ и ихъ охранителямъ, нѣмо и глухо, но неизмѣнно протестуя противъ чуждаго господства въ краѣ, пропивала съ горя послѣднюю овцу, курицу, но не теряла вѣры въ будущее и—довела свое дѣло до конца: отстояла свою духовную независимость, сохранила въ краѣ русскую народность. Едва уничтожено въ краѣ рабство, какъ народъ далъ почувствовать себя своимъ притѣснителямъ въ ихъ возстаніе, и, глядя на эту для многихъ какъ-бы изъ земли выросшую силу, мы съ увѣренностію могли противопоставить ее притязаніямъ ноляковъ и вмѣшательству Европы ¹⁾.

¹⁾ Недавно въ одной корреспонденціи изъ Кіева (Нов. Вр., 31 мая 1882 г.) мы прочли сѣтованія на недостаточную оцѣнку заслугъ чиновниковъ въ юго-западномъ краѣ, прибывшихъ послѣ 1863 года. Корреспондентъ утверждаетъ, что «во время возстанія 1863 года обнаружилось съ полной очевидностію, что край тотъ былъ русскимъ только по названію» (!!), что нахавшіе затѣмъ чинов-

Что это за сила, которая, не смотря на свою темноту, вѣковое рабство, на долгія искушенія, принужденія и кары, спасла дорогое для государства достояніе, что это за чудесная должна быть сила!

Нѣтъ, читатель, не попрекайте насъ въ наивности. Недаромъ мы съ такою любовію вспоминаемъ деревню, насъ вскормившую и вскормившую, вложившую въ насъ первые завѣты жизни. Мы любимъ ее за ея страданія, терпѣніе и вздохи во имя любви къ роднымъ началамъ жизни, за крѣпкую вѣру въ спасительность этихъ началъ, за всѣ тѣ добрыя свойства, которыя выросли на почвѣ страданій въ соединеніи съ такою любовію и вѣрою. И чѣмъ ближе приникаемъ мы ко временамъ нашего дѣтства, тѣмъ глубже и отчетливѣе сознаемъ въ себѣ біеніе народнаго пульса и необоримую силу гражданскую, тѣмъ полнѣе и живѣе становятся наши общественные и гражданскіе идеалы и наша вѣра въ Русь могущественную.

Подъ вліяніемъ новыхъ условій украинская деревня мѣняется теперь свой прежній видъ, въ ней происходятъ явленія, способныя, повидимому, охладить наши симпатіи къ ней, подорвать нашу вѣру въ нее. Городская жизнь вторгается въ нее, проникаетъ въ бывшія крѣпацкія хаты. Мужики, бабы, дѣвки, парни въ городѣ покупаютъ для себя уборы, часто тратя на нихъ послѣдній грошъ,—пьютъ чай, сантуринское, курятъ папиросы, учатся танцовать польку и кадрили... Семинаристы съ тросточками дѣлаютъ променады по деревнѣ, говорятъ дѣвкамъ: „мое почтеніе“. Дьячки читаютъ романы, поютъ чувствительные романсы, подъчасъ и куплетикъ изъ оперетки. Священники волнуются по поводу послѣдней книжки „Вѣстника Европы“, или передовой статьи „Голоса“. Въ деревнѣ появились даже свои чиновники—изъ тѣхъ-же „мужиковъ“ и изъ „благород-

ники «первые нанесли тяжелый ударъ польской справѣ въ этомъ краѣ», что «въ немного лѣтъ они совершенно перевоспитали крестьянъ въ ихъ отношеніяхъ къ русскому правительству», что «въ этомъ велика ихъ заслуга предъ русскими народомъ и государствомъ»... Deus ex machina! И вся эта чепуха на- сказана единственно въ доказательство того, что щедрая раздача имѣній этимъ чиновникамъ достаточно-де вознаградила ихъ за заслуги... Корреспондентъ однако признается, что «нѣкоторые изъ пріобрѣвшихъ въ краѣ имѣнія находятъ болѣе практичнымъ держаться пага и жида, считая мужика только стихійной силой»!..

ных“, настоящих чиновников, предъ которыми иной разъ самъ становой (выражаясь языкомъ Расплюева) „мальчишка и ценокъ“. И жидъ, и панъ уже не тѣ: жмутся зачастую и заискиваютъ у „пана Гаврила“... Новое-ли городское, чиновничье крѣпачество пытается утвердиться въ деревнѣ вмѣсто прежняго, или деревня, долго отдѣляемая отъ города бездной, хочетъ хлебнуть во всю глотку городскихъ благъ, дохнуть во всю грудь городскимъ воздухомъ, или то и другое вмѣстѣ,—рѣшить трудно. Есть много признаковъ, указывающихъ на то, что теперь, въ первый разъ, со времени раздѣленія Руси на двѣ половины, южно-русская деревня приступаетъ къ дѣйствительному, живому участию въ общерусской жизни. Каша, кутерьма, столпотвореніе вавилонское! Холодъ вмѣсто сердечности, пьяное веселіе вмѣсто пьянаго горя, расточительность вмѣсто убожества, разнузданность вмѣсто безправія, штундизмъ вмѣсто тихой преданности уставамъ церкви!.. Вопіютъ заѣзжіе публицисты! Но мы не смущаемся. На первыхъ порахъ, послѣ долгаго отчужденія и рабства, эта картина въ деревняхъ неизбежна. Та сила, что вынесла на своихъ плечахъ чуждое вѣковое иго и спасла народность и вѣру, не обманетъ, не загинетъ, не уронитъ края, дайте только ей оглядѣться кругомъ себя, ознакомиться съ условіями новаго быта, завести повсюду школы, вырастить новое поколѣніе...

Пока это станется, почтимъ благодарною памятью нашу крѣпостную деревню, помянемъ ея горести и печали, пьяныя радости и тихія мечты,—все то, чѣмъ она жила, крѣпилась, утѣшалась...

Мы желали-бы представить на страницахъ „Кіевской Старины“ рядъ очерковъ изъ быта украинской деревни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ по воспоминаніямъ о нашемъ дѣтствѣ. Мы имѣемъ въ виду свою родную деревню, умалчивая только о названіяхъ, но всѣ украинскія деревни того времени такъ похожи одна на другую. Вездѣ однѣ и тѣже элементы и факторы жизни: *священникъ*—руководитель, воспитатель народа, *дьякъ* — его просвѣтитель, функція самостоятельная; *панъ* въ различныхъ видахъ, съ неограниченнымъ произволомъ и религіозно-національными тенденціями, и наконецъ самъ *народъ*—жертва чуждаго вліянія и господства, стоящій въ непрерывной съ ними оппозиціи. Вспоминая наше дѣтство, мы представимъ бытъ тогдашней деревни въ слѣдующихъ очеркахъ:

1) мой отецъ, 2) дьякъ—мой первый учитель, 3) польско-католическій, господствовавшій элементъ и 4) крѣпостной людъ.

I.

Мой отецъ и его родословная.

Я сказалъ уже, что отецъ мой былъ священникомъ. Первымъ священникомъ въ нашемъ роду былъ дѣдъ мой, отецъ отца моего. Такимъ образомъ, хотя наша фамилія очень распространена была въ юго-западномъ краѣ и въ частности въ духовенствѣ, однако родъ нашъ былъ новичкомъ въ средѣ духовенства, издавна сидѣвшаго въ краѣ родами своими.

Несомнѣнно, что древнѣйшій обычай замѣщенія приходоу на Руси былъ выборъ священниковъ самими прихожанами. Не видимъ въ древней Руси при архіерейскихъ домахъ правильно устроенныхъ школъ, а потому архіереи не имѣли возможности замѣщать приходы своими кандидатами. Вѣчевой порядокъ избавлялъ архіерея отъ обязанности заботиться о такихъ кандидатахъ. На югѣ Руси, въ литовскій періодъ ея, когда *громады* получили опредѣленный строй и право самосуда, учрежденіе отдѣльных приходоу и выборъ священниковъ являются уже *правомъ* громадъ. Въ польскій періодъ южной Руси это право встрѣтило сильнаго соперника въ *коляторствѣ* помѣщиковъ, основанномъ на правѣ землевладѣнія, по которому они одни могли обезпечить священниковъ земельными угодьями, дозволить на своей землѣ постройку церкви, дозволить рубить лѣсъ на постройку ея. Помѣщикъ-*ктиторъ*, построившій церковь на свой счетъ и обезпечившій содержаніе ея и причта, считалъ за собою безусловное право на выборъ священника. Но громады вступили въ борьбу какъ съ коляторствомъ польскимъ, такъ, со времени появленія толковъ объ униі, и съ ктиторствомъ православнымъ, къ которому теряли довѣріе. Постепенно, особенно при помощи козацкихъ возстаній, установился *modus vivendi* между громадами и помѣщиками - коляторами и ктиторами (послѣднихъ однако не видно среди ополяченнаго дворянства): выборъ священника остался за громадоу, по подѣ условіемъ утвержденія его коляторомъ. Понятно однако, что для гемной громады не легко было

приготовить своего кандидата на приходъ, а захожаго, напрашивающагося на приходъ достаточно оцѣнить—умѣтъ-ли правильно совершать богослуженія и требы, тянетъ-ли онъ за панами или за народомъ. Кромѣ того, принявъ сторонняго человѣка, нужно помочь ему завестись домомъ, хозяйствомъ—расходъ не малый. Поэтому, для громады было весьма выгоднымъ, если священникъ, уважаемый ею, самъ себѣ приготавливалъ преемника въ лицѣ своего сына или зятя, хорошо извѣстнаго ей, за котораго при томъ самъ священникъ можетъ поручиться въ точномъ и правильномъ совершеніи церковныхъ службъ. Свой человѣкъ все таки лучше чужаго, можетъ быть и хорошаго. Для священника тѣмъ болѣе выгодно было оставить наслѣдникомъ своей хаты и хозяйства своего сына или зятя, вѣрнаго притомъ хранителя установленнаго имъ въ приходѣ духа и порядковъ. Такая обоюдная выгода рано развила въ священническихъ семьяхъ право на приходъ по наслѣдству. *Батьковщина* и здѣсь стала играть ту-же роль, что и въ народѣ, и становилась нравственно обязательною для громады. Не мало было приходоу, переходившихъ по наслѣдству въ теченіе 100—200 и болѣе лѣтъ, пока накопецъ или священникъ умиралъ бездѣтнымъ, или дѣти его оказывались ни къ чему негодными. Наслѣдственность стала казаться правомъ, а право избавляло кандидата отъ заискиваній и униженій предъ громадою, давало особый тонъ, гордость предъ собратами, получившими приходы отъ громадъ. Я хорошо еще помню случаи, когда священники, „сидѣвшіе на батьковщинѣ“, въ ссорѣ съ сосѣдомъ-новичкомъ въ околоткѣ, корили ихъ: „я отъ дѣда-прадѣда панъ въ своей парафіи, а ты—заволока, громадскій наймитъ“... Но *заволоки* раздѣлялись на два разряда, рѣзко различавшіеся другъ отъ друга. Одни появлялись въ приходахъ не вѣсть откуда, никто не зналъ роду-племени ихъ, спаивали громаду, унижались предъ нею, не скупились на всякія уступки и обѣщанія—и получали согласіе громады. Другіе или были лично знакомы громадѣ и получили отъ нея приглашеніе на приходъ, или были сыновьями или зятьями почтенныхъ сосѣднихъ священниковъ, которые могли поручиться за нихъ, какъ за самихъ себя. Предъ такими новичками въ околоткѣ прикусывали языкъ „родовитые попы“, особенно, если новичекъ стѣмѣлъ самъ утвердить свой авторитетъ въ приходѣ. Къ послѣдняго рода новичкамъ принадлежали и отецъ, и дѣдъ мой.

Фамильное наше преданіе гласило, что во время „великихъ руинъ“ козаки нашли по дорогѣ во рву однолѣтняго *хлопчика*, совсѣмъ умиравшаго отъ голода. Никто не могъ сказать, чье это дитя и гдѣ дѣвались его отецъ и мать. Козаки взяли съ собой этого *хлопчика*, отходили его и вырастили, предварительно окрестивши его, такъ какъ не были увѣрены, что онъ крещенъ по православному. Вышелъ изъ хлопчика бравый козакъ. Въ мирные годы запорожскіе козаки, особенно молодые, расходились по деревнямъ цѣлаго края то для гулянокъ, то для заработковъ. Въ одну изъ такихъ гулянокъ молодой козакъ не выдержалъ козацкаго духа и женился. Жена оставалась въ деревнѣ при отцѣ, а онъ часто навѣщалъ ее. Это былъ мой прапрадѣдъ. Прадѣдъ, выросшій въ деревнѣ при семьѣ, не увлекся примѣромъ отца своего и предпочелъ мирную жизнь. Но, гордясь своимъ козацкимъ происхожденіемъ, не хотѣлъ прикрѣплять себя къ землѣ, чтобы не закрѣпиться за ляхомъ—помѣщикомъ, такъ какъ вся земля по правую сторону Днѣпра принадлежала только польской шляхтѣ, и кто получалъ въ пользованіе кусокъ этой земли, тотъ рисковалъ закрѣпить себя за мѣстнымъ *паномъ*. Поэтому прадѣдъ мой, не имѣя постоянного мѣстопробыванія, оставлялъ свою жену и дѣтей у тестя, а самъ ходилъ на Донъ и въ Крымъ, откуда привозилъ и продавалъ на базарамъ рыбу, соль, рожки, фиги. Дѣдъ мой еще въ дѣтствѣ сопровождалъ своему отцу въ далекихъ поѣздкахъ его и въ торговлѣ по базарамъ, а на всю зиму отправлялся съ нимъ, для прокормленія воловъ, въ степи. Степи-то были тогда привольныя, безконечныя, особенно за Винницей и Немировымъ. Располагайся, гдѣ хочешь, заготовляй сѣна, сколько хочешь. Зимой степи свободны отъ набѣговъ татарскихъ, набиралось тутъ изъ Украины не мало такихъ-же чумаковъ и *воловодовъ* (торговцевъ скотомъ), приготовлявшихъ для себя обширныя землянки, а для скота, на случай стужи, *загороди*. Кочевая, торговая жизнь нуждалась въ грамотности и потому дѣдъ мой въ дѣтствѣ обученъ былъ грамотѣ. Грамотность сближала его съ духовнымъ міромъ, онъ любилъ читать и пѣть на клиросѣ и въ знаніи церковнаго устава могъ спорить съ любымъ дякомъ. Наслѣдовавъ послѣ смерти отца его хозяйство и продолжая вести кочевую жизнь, онъ много разъ подвергался разнымъ несчастіямъ, терялъ все свое походное дѣло, но ни

за что не хотѣлъ прикрѣплять себя къ землѣ. Козацкая кровь и въ немъ отзывалась, волнуясь при напоминаніи о панахъ и униатахъ. Сильно любилъ онъ мѣста своего рожденія, дѣтства, промысловъ, но не менѣе сильно дорожилъ своей волей и боялся брать землю у помѣщика, чтобы не попасть въ панскія лапы. Долгое время, поэтому, онъ не обзаводился семьей. Наконецъ, напоминаніе о томъ, что уже и старость не за горами, что некому будетъ оставить небольшое свое имущество, рѣшило его участь: на 45 году онъ женился на настоящей невѣстѣ того времени—на тринадцатилѣтней дѣвицѣ. Женитьба однако не много измѣнила образъ жизни его: не жилось ему среди террора, который продолжался по всей югозападной Руси послѣ *Коліивщины* и перваго раздѣла Польши, когда вольный православный человѣкъ на каждомъ шагу подвергался оскорбленіямъ и подозрѣніямъ со стороны каждого шляхтича и каждого униатскаго священника. По прежнему, дѣдъ мой ѣздилъ на Донъ, по ярмаркамъ. Подходила третья турецкая война. По всей Украинѣ, Волыни и Подольи народъ встрепнулся. „Покончивъ съ туркомъ, *москали* придутъ въ Польшу, и тогда панъ станетъ хлопомъ, а хлопъ паномъ“—шептались между собою крестьяне, дячки и священники, православные и даже униаты. У пьяныхъ срывались съ языка похвальбы и угрозы панамъ. Предъ панами всталъ грозный призракъ „Коліивщины“... Начались аресты, паны повсюду зывали: *do broni, panowie!* Православный епископъ (Викторъ Садковскій, только что рукоположенный) арестованъ, даже униатскій епископъ на Волыни подвергся подозрѣніямъ въ измѣнѣ; множество священниковъ, дячковъ томились въ тюрьмахъ, не мало изъ нихъ повѣшено; крестьянъ сѣкли, отрѣзывали имъ уши, отрубивали руки, многихъ повѣсили. Въ это время дѣдъ мой исчезъ, никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, считали его пропавшимъ. Прошло лѣто (1789 г.), прошла и зима, война окончена, русскія войска возвращаются со славою и снова встаютъ надежды русскихъ крестьянъ и духовенства въ Польшѣ. Вдругъ дѣдъ мой является въ семью своей. При крикахъ радости сбѣжавшихся малыхъ дѣтей и родныхъ, онъ гордо вынулъ изъ-за пазухи какую-то бумагу, завернутую въ платокъ, и раскрылъ ее предъ всѣми на столѣ. На толстой бумагѣ было что-то написано, внизу большая печать и подпись. Указывая пальцемъ на подпись, дѣдъ торжественно про-

читалъ: „Потемкинъ“. Всѣ разинули рты. „Теперь, прибавилъ дѣдъ, не боюсь ляхівъ, я—русскій дворянинъ“. То дѣйствительно была грамота на дворянство, данная дѣду за какія-то услуги его русскимъ войскамъ, при которыхъ онъ находился неотлучно во все время этого труднаго похода, въ качествѣ маркитанта. Въ чемъ именно состояла услуга дѣда, удостоенная такой награды, это осталось неразъясненнымъ въ потомствѣ. Толковалось про какую-то „кашу съ икрой“ (?), придуманную дѣдомъ для войскъ подъ Очаковымъ и очень понравившуюся Потемкину, про какія-то развѣдки въ турецкомъ станѣ, что очень возможно было со стороны дѣда, знавшаго по татарски и хорошо знакомаго съ татарскими обычаями, къ тому-же крѣпкаго и выносливаго человѣка. Какъ-бы то ни было, по завѣтная грамота долго хранилась въ семьѣ дѣда. Откуда-то появилось убѣжденіе, что изъ всей семьи тотъ только будетъ дворяниномъ, кому дѣдъ предъ смертію вручить эту грамоту. Но дѣдъ умеръ, хотя и въ глубокой старости, внезапно, отъ угара, никому не назначивъ грамоту. Съѣхались на погребеніе дѣти и взрослые внуки дѣда, *честно* похоронили его, а потомъ заспорили, кому должна принадлежать грамота. Долго спорили, стали вырывать другъ у друга злощастную грамоту, ратовала все женская половина. Вдругъ одна изъ внукъ, замужняя, наиболѣе проныкнутая честолюбіемъ, но наименѣе имѣвшая шансовъ на побѣду надъ прочими соперницами, схватила грамоту и—это было въ кухнѣ—швырнула ее въ печь, приговаривая: „нехай-же нікому не достанеця“. Прежде чѣмъ присутствовавшіе припили въ себя отъ ужаса, отъ грамоты осталась только зола. Никому потомъ и въ голову не приходило добиваться возобновленія грамоты, всѣ были убѣждены, что пропала грамота—пропало и дворянство. Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда въ краѣ шла повѣрка документовъ на дворянство и огромная масса шляхты, затерявшей свои документы, лишена была дворянства и составила приниженный классъ однодворцевъ. Къ тому-же, южнорусское духовенство подчинено было общимъ имперскимъ законамъ *о духовномъ сословіи*.

„Но мы на прежнее возвратимся“... Ожиданія русскаго народа скоро стали сбываться: въ 1792 году послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, по которому вся Украина, часть Волыни и Подолья присоединены были къ Россіи. Дѣдъ мой съ своей семьей и

родственниками очутился въ чертѣ русскаго государства, подданнымъ *царицы*. Повсюду была радость безмѣрная; казалось, что сей-часъ „панъ станетъ хлопомъ, а хлопъ паномъ“. Прежде всего народъ сталъ изгонять уніатскихъ священниковъ. Изъ послѣднихъ многіе принимали православіе, но многія бѣжали въ Бѣлоруссію, гдѣ уніатскому духовенству жилось спокойнѣе, или пріючивались по панскимъ дворамъ при домовыхъ *капличкахъ*. Громады озабочены были пріисканіемъ кандидатовъ на вакантные приходы. Въ это время пріѣхали къ дѣду моему, имѣвшему уже болѣе пятидесяти лѣтъ, посланцы отъ громады, хорошо знавшей его, съ просьбой принять *парафію* ихъ. Послѣ недолгихъ колебаній, дѣдъ теперь рѣшился бросить скитальческую жизнь. Но явилось затрудненіе: селеніе, въ которомъ ему предложена была парафія, принадлежало базилианскому монастырю, находившемуся въ ближайшемъ городѣ и содержавшему извѣстныя въ краѣ школы, привилегіи которыхъ, какъ и другихъ школъ, русское правительство исполнѣ подтвердило. Монастырь владѣлъ въ этомъ селѣ церковію и приходомъ, присылая своихъ монаховъ какъ для управленія имѣніемъ, такъ и для богослуженій. Выжить базилианъ изъ прихода нельзя было, отнять у нихъ церковь трудно. Но всѣ старики живо помнили, что прежде у нихъ было *благочестіе* и священникъ былъ *благочестивый*, а потомъ богатый польскій вельможа, владѣлецъ обширнѣйшихъ имѣній въ краѣ, вызвавъ въ свой городъ базилианъ и устроивъ школы, отдалъ имъ во владѣніе и это село съ церковію, удаливъ *благочестиваго* священника. Прибывъ въ это село, дѣдъ мой увидѣлъ на косякѣ входной церковной двери рѣзную надпись, гласившую о времени построенія „*сею православнаго храма*“. Надпись на одномъ изъ церковныхъ колоколовъ гласила, что онъ пожертвованъ для того-же „*православнаго*“ храма. Недолго думая, громада порѣшила представить эти доказательства о принадлежности храма православному архіерею въ подлинникѣ и просить содѣйствія его къ возвращенію ей этого храма. Снарядили подводы, выломали дверь съ косякомъ, сняли колоколъ, то и другое уложили на подводы, усадили на нихъ моего дѣда и нѣсколько депутатовъ отъ громады и отправили ихъ въ Переяславль къ епископу (епископская кафедра въ послѣдствіи перенесена изъ Переяславля въ Полтаву), которому издавна поручено было завѣдывать дѣлами право-

славныхъ въ польской Украинѣ, части Волыни и Подолья. Доказательства оказались очень вѣскими: ходатаи являлись съ ними и къ архіерею, и въ консисторію, гдѣ всѣ писчики, повітчики и члены хохотали, глядя, какъ впереди рослый и крѣпкій дѣдъ мой несъ въ присутствіе семипудовый колоколъ, а за нимъ депутаты тащили дверь съ рамой. Всѣ экзамены (на стихарь, на діаконство, на іерейство) дѣдъ сдалъ хорошо и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ прошелъ всѣ степени, отбылъ *обученіе* (практическое упражненіе въ богослуженіи подъ руководствомъ священника, назначеннаго архіереемъ) и вернулся въ свой приходъ, въ которомъ засталъ уже церковь въ рукахъ своихъ прихожанъ. Базиліане совсѣмъ присмирѣли, построили капличку и въ ней совершали свои богослуженія.

Базиліанскій монастырь въ городѣ и при немъ школы существовали до польской революціи 1831 года. До этого-же года оставалось во владѣніи монастыря и село, составлявшее приходъ моего дѣда ¹⁾. Такимъ образомъ дѣдъ мой, жившій до 1837 года, постоянно имѣлъ сосѣдями базиліанскихъ монаховъ—управителей имѣнія, которые не могли равнодушно вспоминать о своемъ владѣніи церковію и приходомъ, о быломъ господствѣ уніи въ краѣ. Однако дѣдъ мой былъ человѣкъ миролюбивый и жилъ въ пріязни съ базиліанами, которые теперь не могли и думать объ интригахъ въ средѣ прихожанъ. Ссоры были рѣдки, совершенно домашняго свойства; обѣ стороны сору изъ избы не выносили и дружба продолжалась неизмѣнно. Зайдетъ бывало дѣдъ къ базиліанамъ отъ скуки побесѣдовать, или они зайдутъ къ нему. Пріемъ, конечно, бываетъ по-хозяйски, по-сосѣдски. Выпьютъ по одной—любовно поговорятъ, по другой—повеселятъ, по третьей, четвертой—и разговоръ склоняется къ воспоминаніямъ о прошломъ, представлявшемъ теперь такую огромную разницу для обѣихъ сторонъ. Чарка продолжаетъ переходить изъ рукъ въ руки, жгучая боль поднимается въ сердцѣ

¹⁾ Въ 1831 г. огромныя владѣнія польскаго магната, за дѣятельное участіе его въ революціи, конфискованы. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, они составили особый отдѣлъ югозападныхъ военныхъ поселеній. Село, составлявшее приходъ моего дѣда, тогда-же уничтожено, жители разселены по сосѣднимъ селамъ, а усадьбы ихъ обращены въ пахатныя поля.

базиліанъ, злорадство подмываетъ дѣда. На сцену являются вопросы о папѣ, о схизмѣ, объ исхожденіи св. Духа, о чистилищѣ... Простали были управители-базиліане, не былъ богословомъ и дѣдъ мой; споры держались все на разсказахъ, басняхъ, остротахъ, крѣпкихъ словахъ: стороны все разгорячались, и обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что уніа и православіе бросались другъ на друга, и начиналась потасовка. Обыкновенно побѣда оставалась на сторонѣ православія, потому что крѣпкій дѣдъ мой легко справлялся съ двумя базиліанами. Но однажды сильно досталось дѣду. Пріѣхали изъ города для отдыха базиліане-профессоры. Дѣдъ ступсевался: „ученые“... и не ходилъ къ базиліанамъ. Взяло однако дѣда любопытство посмотрѣть, послушать „ученыхъ“ и, какъ ни крѣпился, зашелъ въ *плебанію*. Конечно, приняли по старому, по-хозяйски. „Ученые“ пили одинаково съ неучеными, сыпали латинскими фразами, высокомерно относились къ дѣду. Какъ ни обидны были замѣчанія „ученыхъ профессоровъ“, но дѣдъ чувствовалъ полное свое безсиліе предъ ними на словахъ. Съ каждой чаркой нетерпѣніе его возрастало, руки чесались. Наконецъ, послѣ многихъ уже чарокъ, едва произнесъ одинъ изъ профессоровъ: „*ta przekłeta schizma*“, какъ дѣдъ ринулся на него и, ну!—тузить его, приговаривая: „ото тобі пизма, ото тобі папа“... Увы, кончилось тѣмъ, что базиліане еле живымъ привезли дѣда въ домъ его, гдѣ онъ долгое время отлеживался. Крѣпкая натура перенесла неожиданную катастрофу; у дѣда и у перепуганныхъ базиліанъ поубавилась охота къ богословскимъ спорамъ. Совсѣмъ уже старѣясь, дѣдъ, давно уже овдовѣвшій и выдавшій замужъ трехъ дочерей своихъ, взялъ старшаго сына своего изъ *риторики*, добылъ ему діаконскій санъ и поселилъ въ собственномъ домѣ, отдавъ при этомъ въ пользованіе его все свое хозяйство, какъ наслѣднику прихода, а вскорѣ совсѣмъ передалъ ему приходъ, оставаясь однако верховнымъ судьей въ домѣ и въ приходѣ до самой смерти своей. Умеръ мой дѣдъ въ томъ-же приходѣ предъ самымъ закрытіемъ его и уничтоженіемъ села, въ 1837 году, на 96 году жизни. Это былъ величественный патріархъ для своего рода, въ которомъ онъ видѣлъ много внуковъ и правнуковъ. Ничто въ этомъ родѣ не предпринималось безъ предварительнаго разрѣшенія его, слово его было для всѣхъ членовъ рода точно глаголь Божій...

Отець мой родился въ 1798 году и былъ „мизинцемъ“ въ семьѣ своего отца, т. е. наименьшимъ, послѣднимъ дитятей. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его рожденія, мать его умерла, и „мизинцу“ досталась горькая доля общаго „попыхача“ въ семьѣ, о нуждахъ котораго никто при томъ не заботился. Сестры одна по другой выходили замужъ, забирая въ приданое, что было лучшаго въ хозяйствѣ; наконецъ, все хозяйство перешло въ руки старшаго брата—діакона. Отець мой выросалъ какъ-бы на хлѣбахъ у брата и жилъ въ семьѣ, по любимому выраженію его, *аки вранъ на нырици*. Отець его уже не имѣлъ средствъ отдать его въ школы и довести его хотя-бы до *риторики*, подобно старшему брату. За то его отдали въ науку къ знаменитому тогда въ обширномъ околоткѣ дяку Яну. Этотъ Янъ считался на большомъ районѣ приходовъ знаменитостью, дьячковскимъ геніемъ. Цѣлыя поколѣнія священниковъ и дяковъ воспиталъ онъ въ большомъ числѣ приходовъ; его метода славилась особеннымъ духомъ, тономъ, выдержкою. Еще на моей памяти роваривали о какомъ-либо священникѣ, отличавшемся достоинствами чтенія, служенія: „а, онъ учился у Яна“! Во дни первой моей юности Янъ былъ въ средѣ духовенства какимъ-то мѣломъ, идеаломъ дяка, богомъ клироса. Рассказывали, что даже опытные въ богослуженіи священники, бывшіе ученики его, трусили, когда во время служенія ихъ вдругъ появлялся на клиросѣ Янъ, прибывшій на „храмъ“, или просто провѣдать бывшаго питомца. Не дай Богъ священнику сдѣлать ошибку въ чтеніи и служеніи или повести себя вяло, нарушить *Яновскій* тонъ и тактъ,—Янъ безъ церемоніи тутъ-же могъ громко замѣтить: „э-э, мало я тебе за уха тянувь!“—или-же просто назвать *дурнемъ*. Никому и въ голову не приходило апеллировать на критику Яна, всякій считалъ за лучшее смириться, принять отзывъ его за шутку, иначе отзывъ ложился на него клеймомъ. Отець мой зналъ всѣ мѣстные напѣвы, владѣлъ обширнымъ теноромъ, слылъ превосходнымъ (по мѣстному, тогдашнему) пѣвцемъ, любилъ и хорошо зналъ церковную службу, во время богослуженія держалъ себя съ большою смѣлостью и свободою дѣйствій и всегда утверждалъ, что всѣми своими достоинствами онъ обязанъ Яну. Несложная дьячковская наука у Яна получала разнообразныя формы, дрессировавшія умъ и характеръ, и распространявшіяся на все поведеніе дяка-діакона-священника при

богослуженіи. Канва этой науки, на которой тогдашніе дяки выводили свои узоры, была слѣдующая: обученіе чтенію и письму, чтеніе и пѣніе на клиросѣ, прислуживаніе въ олтарѣ священнику, хожденіе съ причтомъ по требамъ. Изъ рассказовъ отца можно было составить понятіе о тѣхъ узорахъ, которые Янъ выводилъ на этой канвѣ. 1) Чтеніе должно быть громкое, отчетливое, выразительное, пѣвучее въ *апостолахъ* и *парамяхъ*, ровное, какъ струна, во всемъ прочемъ. Заставивъ адепта читать на клиросѣ, онъ постоянно покрикивалъ на него: „голоснѣе, не бѣжи такъ (медленнѣе), крѣпче выговаривай“ (отчетливѣе). Совралъ что-нибудь чтець, Янъ останавливалъ его, заставлялъ повторять то-же слово, а за видимо разсѣянное ученіе тутъ-же бралъ чтеца „за чубъ“, причемъ тотъ долженъ былъ стойко выдерживать наказаніе, не прерывая чтенія. Если Янъ хотѣлъ кого-либо изъ учениковъ выслать на средину церкви для чтенія *апостола*, то предварительно дома самъ показывалъ ему и позу во время чтенія, и мѣста передышекъ, повышений и понижений голоса, тонъ, темпъ, финальный мотивъ и наконецъ поклонъ на три стороны,—нѣсколько разъ экзаменовалъ, поправлялъ, наказывалъ... 2) При пѣніи Янъ строго требовалъ смотрѣть „до Бога“, т. е. вверхъ, что и самъ строго соблюдалъ. Можетъ быть отъ этого нехитраго приѣма обученія произошло то, что отецъ мой до самой смерти своей при пѣніи скидывалъ очи и голову вверхъ и всегда пѣлъ съ глубокимъ чувствомъ, часто со слезами. Въ кругъ пѣнія входили не одни церковныя пѣсни, гласы, ирмосы подобные и т. д., но и разнообразныя домашнія духовныя пѣсни, которыхъ отецъ мой усвоилъ немало. 3) На домъ приносились всякія богослужебныя книги, по которымъ *школяръ* обязанъ былъ подыскать и „затвердить“ всѣ тропари, кондаки, стихиры, сѣдальны, канонъ и проч., что требовалось по уставу для наступающаго богослужебнаго дня: недѣли, святаго, праздника, поста и под. 4) Отправляясь на потребу въ дома прихожанъ, Янъ бралъ съ собою *школярей*, требовалъ отъ нихъ держать себя здѣсь чинно, стоять во время чтенія и пѣнія, выдвинувъ одну ногу впередъ, „съ повагой“, умѣть поклониться, привѣтствовать хозяина, отвѣтить изреченіемъ изъ псалтыри и т. п. 5) Послѣ богослуженія, дома, Янъ дѣлалъ предъ своими *школярами* (старшими) отзывы о поведеніи священника въ церкви—какъ онъ читалъ, кадилъ, держалъ чашу, благословлялъ, раздавалъ антидоръ

и т. п., показывалъ, какъ-бы онъ все это дѣлалъ, какъ дѣлаютъ это другіе священники и т. д. При всемъ своемъ дарѣ, почетѣ и завидной славѣ, Янъ никогда не искалъ ни священства, ни діаконства, былъ поэтомъ, обожателемъ своей профессіи, умеръ въ глубокой старости тѣмъ-же дякомъ. Но и у Яна, какъ педагога, былъ одинъ недостатокъ, притомъ очень крупный, хотя и мало замѣченный современниками его, именно—онъ твердо писалъ, только *по старому*, т. е. уставомъ и полууставомъ, и не могъ хорошо обучить своихъ учениковъ „новому“ письму, т. е. скорописи. Не диво, въ теченіе восемнадцатаго вѣка православные причты Украины, Подолья и Волини, управляемые изъ-за кордона (Переяславля), свободные отъ личнаго надзора и руководства епархіальной власти, притомъ часто разгоняемые уніатами и надолго превращавшіеся въ частныхъ лицъ, не видѣли нужды и возможности въ правильной отчетности предъ громадою. Даже метрики не могли быть ведены ими исправно, а это были едвали не единственные документы, требовавшіе отъ причта умѣнья писать. Писались онѣ почти всюду полууставомъ, замѣтками то на церковныхъ книгахъ, то на клочкахъ бумаги, рѣдко въ особыхъ книгахъ. Записи были несложныя: „у Василя Козака родился сынъ, нареченъ Иванъ. Крестилъ и мѣромъ св. помазалъ іерей NN“; или: „N дня и мѣсяца умре (представися, скончалъ житіе) Омелько Довгій“. Правильныя записи и отчетность стали обязательными только съ 1792 года. Но еще на моей памяти дяки-искусники въ письмѣ были рѣдки: метрическія записи велись на клочкахъ бумаги. Подходить время отчетности—привозятъ со стороны дяка-писаку, тотъ выпишетъ все по порядку въ книги, разыщетъ по селу пропущенные случаи крещенія, брака, смерти, составитъ вѣдомости и т. п. Такимъ образомъ Янъ, выросшій и окрѣпшій въ цѣломъ своемъ строѣ во времена Польши, впоследствии до самой смерти своей могъ не видѣть надобности для дяка и священника *въ новомъ письмѣ*, скорописи. Отецъ мой, свято чтившій науку Яна во всѣхъ ея подробностяхъ, такъ и остался при полууставѣ и до смерти своей не могъ твердо выводить буквъ *по новому*.

Разъ Янъ сказалъ отцу моему: „пукай собі долі, зъ тебе буде добрый дякъ“. Это было тогда для молодаго человѣка аттестатомъ зрѣлости. Не захотѣлъ отецъ оставаться въ дякахъ при

братѣ, тогда уже священникѣ: поклонился отцу своему въ ноги, получилъ отъ него благословеніе и пошелъ искать доли межъ людей. На первый разъ однако онъ присталъ у одного изъ своихъ зятѣй - священниковѣ. Но здѣсь вмѣсто дячковства онъ нашелъ долю *наймита*, да еще дароваго. Зять, по давнимъ уніатскимъ эрекціямъ, пользовался большими земельными угодьями, велъ обширное хозяйство, посылалъ свою пшеницу прямо въ Одессу; вмѣсто любимаго клироса, отцу пришлось постоянно работать на поляхъ, при домѣ, проводить долгіе дни въ *чумачкѣ*, наравнѣ съ прочими наймитами зятя. Бросилъ отецъ этого зятя, пошелъ къ другому, имѣвшему скромное хозяйство. Тутъ стало легче, и отецъ сталъ часто показывать искусство свое на клиросѣ и на требохъ, въ качествѣ *поддячего* при старомъ дякѣ. Прихожане полюбили голосистаго поддячего и назначили ему опредѣленные приношенія за службу, такъ что отецъ уже былъ ни отъ кого независимъ въ одежѣ, даже въ пищѣ, сталъ „выбиваться на дорогу“. Но такое положеніе не могло долго служить: 1) въ компаніяхъ настоящіе дяки относились къ нему пренебрежительно, какъ недозрѣлому, будто читающему еще по складамъ, и звали его: „эй, ты, покой-он-по добро-я-дя чер-і-чі й“ (поддячій), или сокращенно: „поко-он-по добро-я-дя“, что еще болѣе казалось обиднымъ, такъ какъ заключало въ себѣ намекъ, будто онъ не умѣетъ сложить слова до конца; 2) какъ ни любили его прихожане, но при размолвкѣ могли сказать ему: „иди себѣ на всѣ четыре стороны“. О дячествѣ рано еще и мечтать, совсѣмъ не тѣ времена стали! Нужно было или пріобрѣсти реноме въ околоткѣ, чтобъ выбрали въ дяки, или добиться посвященія въ стихарь. Стихарь, архіерейская грамота давали тогда имя; предъ ними прикусывали языкъ самые главные дяки. Задался отецъ мой честолюбіемъ, потерпѣлъ еще съ годъ, заручился *одобрениємъ* отъ прихожанъ въ качествѣ поддячего и пошелъ въ далекій епархіальный городъ попробовать счастья.

Черезъ недѣлю пути пѣшкомъ, предъ глазами отца выросъ дивный городъ съ множествомъ золотоглавыхъ церквей. Но только въ городѣ сообразилъ онъ, что у него въ карманѣ всего нѣсколько пятаконъ, а между тѣмъ нужно здѣсь жить, въ консисторіи, что ни ступишь—плати... Но попробовать, не возвращаться же назадъ! Нѣсколько дней онъ перебивался по монастырскимъ дворамъ, гдѣ

вольно было всякому богомольцу располагаться на обширномъ дворѣ для отдыха и ночлега. *Слымаки* (послушники)—свой народъ, пускали голосистаго поддячего къ себѣ переночевать въ непогоду; на кухнѣ всегда можно было поживиться, даже попасть съ братіей въ трапезу. Но въ консисторіи—ни приступу! Уже и прошеніе написано услужливымъ и опытнымъ слымакомъ, подано архіерею... Но какъ узнать резолюцію? Долгія ожиданія въ сѣняхъ консисторіи, поклоны проходившимъ тутъ чинамъ, просьбы съ приговариваніемъ: „явите милость, я бѣдный, гроша не маю за душею“... ни къ чему не приводили, *писчики* и *канцеляристы* оставались пѣмы и глухи. Рѣшился отецъ пойти къ *повѣтчику* на домъ. „Явите милость, я бѣдный“... Выслушавъ просьбу, повѣтчикъ кликнулъ сторожа и велѣлъ назначить просителю работу. Началь отецъ мой чистить дворъ, лошадь, конюшню повѣтчика, копать въ огородѣ его, ходить за повѣтчицей съ корзиной на базаръ и т. п. Такъ прошла недѣля; отецъ рѣшился напомнить о своей просьбѣ, но услышалъ въ отвѣтъ: „якій скорый... послужи еще“... Прошла еще недѣля, прошла и другая—и конца не видно выслугѣ! Дерзнулъ отецъ мой бросить повѣтчика и пойти къ самому секретарю. Тутъ тотъ-же пріемъ, только работы стало больше. Узналъ отецъ, что ректоромъ мѣстной бursы состоитъ архимандритъ, однофамилецъ его. „Не родственникъ-ли далекій? Попытать счастья“. Но архимандритъ о родствѣ не заговаривалъ, дозволилъ отцу ночевать на сѣновалѣ и кормиться на бурсацкой кухнѣ, а о дѣлѣ сказалъ: „самъ хлопочи“. Два мѣсяца бился отецъ, не вѣдая, съ какой стороны подступить къ дѣлу удачно. Хотѣлъ уже поступить въ монастырь, въ которомъ такое чудное пѣніе было, да влеченіе къ роднымъ мѣстамъ взяло перевѣсъ надъ случайнымъ аскетическимъ норывомъ. Но вотъ однажды досидѣлся онъ подъ консисторіей на травѣ до вечера; на кафедральной колокольнѣ ударилъ благовѣстъ къ вечерни... Отцу вдругъ захотѣлось пробраться въ домовую архіерейскую церковь. Вошелъ... все ближе и ближе сталъ подвигаться къ клиросу, смѣлѣе и смѣлѣе подпѣвать, наконецъ очутился рядомъ съ дьячками и запѣлъ полнымъ своимъ, звучнымъ и гибкимъ, голосомъ... читалъ каѳизмы, стихиры... Понравилось ему здѣсь, на другой день онъ отправился сюда на литургію, читалъ часы, пѣлъ и выпросилъ позволеніе прочитать апостола. „И вшкваривъ-же тоді апостола“, въ простотѣ души

выражался отецъ мой, часто поминая про этотъ случай, имѣвшій рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую его карьеру. На югѣ Руси, въ епархіальныхъ городахъ, только со времени посѣщенія импер. Екатериною II Кіева, начало прививаться чтеніе апостола и евангелія басомъ, начиная съ октавы и постепенно восходя до *nes plus ultra* басовой ноты. Это обычай—развившійся исключительно на сѣверѣ Руси, безъ сомнѣнія, благодаря суровому климату, и доселѣ нигдѣ, кромѣ Россіи, не существующій. Въ описываемое нами время и на югѣ Россіи стало уже чуть не закономъ, чтобы протодіаконъ былъ самый, что ни есть, свирѣпый басъ, отъ котораго стѣны дрожали-бы. Мѣстные діаконы и даже дяки уже увлекались этимъ мнимымъ величіемъ чтенія и, поддобряемые великорусскими купцами, переселявшимися въ южнорусскіе города, старались копировать своего протодіакона. Но въ деревняхъ оставался во всей неприкосновенности древній, принятый отъ грековъ обычай чтенія апостола и евангелія на распѣвъ. Греческія особенности его (чтеніе въ носъ, съ трелями и руладами), доселѣ господствующія въ православныхъ церквахъ Греціи, Сиріи, Болгаріи и Сербіи, на югѣ Руси измѣнены сообразно духу народному и излюбленнымъ его мотивамъ. Чтеніе держалось здѣсь на среднемъ теноровомъ *до*, повышаясь но мѣстамъ не болѣе, какъ на одну ноту, и понижаясь не болѣе, какъ на три ноты; все искусство состоитъ въ переходахъ отъ одной ноты къ другой; звуки должны идти мѣрно, плавно. Мнѣ, уже послѣ моего ознакомленія съ разными способами церковнаго чтенія и съ церковными напѣвами и партесами, всегда казалось въ этомъ чтеніи, какъ и въ пѣніи южнорусскомъ, что-то наболѣвшее, просительное, плачущее. Вся исторія южной Руси отражалась въ немъ. Гробо заблуждаются тѣ изъ нашихъ ревнителей чистоты православія, которые производятъ южнорусское церковное чтеніе и пѣніе изъ католическихъ костеловъ. Отецъ мой, рѣшившись отличиться при такомъ особенномъ случаѣ, предъ архіерейскими дьячками, призвалъ все свое искусство, вспомнилъ всѣ завіты Яна; молодой, звучный голосъ его рѣкой разливался подъ сводами уютнаго храма. Когда онъ окончилъ чтеніе и, закрывъ книгу, глядя „до Бога“, выводилъ мотивы послѣдняго слова, вдругъ за стекляною дверью, направо у олтаря, приподнялась занавѣска и появился архіерейскій ликъ... Глянулъ отецъ на дверь, такъ и оборвался и едва дошелъ до кли-

роса отъ страху. Тогдашній архіерей былъ изъ малороссовъ и, хотя держалъ протодіакона, знаменитаго тогда въ южной Россіи баса, однако очень любилъ старинное деревенское чтеніе и пѣніе. Когда окончилась литургія, стеклянная дверь распахнулась, на порогѣ появился архіерей; всѣ по обыкновенію подходили къ нему за благословеніемъ. Подошелъ и отецъ мой и палъ ему въ ноги. „Кто ты, откуда?“—спросилъ архіерей. Такъ и такъ, едва помня себя отъ страху, рассказалъ отецъ мой. „Хорошо ты читаешь и поешь; готовься на слѣдующее служеніе мое къ стихарю“, сказалъ архіерей и прибавилъ, обращаясь къ стоявшему тутъ-же монаху: „скажи, чтобы для него все было готово“... Обыкновенно, когда отецъ мой вспоминалъ этотъ случай, голосъ его на этомъ мѣстѣ прерывался и на глазахъ появлялись слезы...

Дальнѣйшая карьера отца пошла какъ по маслу. Тотъ-часъ онъ напелъ себѣ дьячковское мѣсто и зажилъ припѣваючи. Онъ любилъ поминать золотое время своей молодости въ званіи *стихарнаго дяка*. Стихарный дякъ, молодой и пѣвецъ, былъ настоящимъ львомъ въ тогдашнемъ русскомъ деревенскомъ обществѣ. Въ это время едва только намѣченъ былъ планъ перемѣны въ цѣломъ положеніи южнорусскаго духовенства. Въ 1819 году кіево-могилянская академія, бывшая дотолѣ всесословный учрежденіемъ, заключившимъ въ себѣ по тогдашнему полный кругъ образованія, преобразована въ учрежденіе сословное, духовное, и распалась на три учебныя заведенія, составлявшія три степени духовнаго образованія: *бурсу* или низшее училище—для приготовленія причетниковъ и кандидатовъ для дальнѣйшаго образованія, *семинарію*—для приготовленія священниковъ и *академію* для высшаго духовнаго образованія. Реформа имѣла въ виду измѣнить старыя бытовыя отношенія въ духовенствѣ и надѣлить всѣ приходы образованными священниками, болѣе свѣдущими діаконами и причетниками, предоставивъ архіереямъ назначать ихъ по своему усмотрѣнію, а не по выбору невѣжественной громады. Подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка объ абсолютной силѣ просвѣщенія и абсолютномъ вредѣ невѣжества, которое воплощала въ себѣ „чернь непросвѣщенна“, забыта была необходимость нравственной связи священника съ приходомъ, забыты были историческія, народныя начала, нарушеніе которыхъ ведетъ за собою разобщеніе и нравственное безсиліе самаго про-

свѣщенія,—не вѣдалось, что радикализмъ въ особенности вредно отзывается на религіозной нравственности. Но въ описываемое нами время планъ былъ только поставленъ, въ деревняхъ совершенно не знали о немъ, старыя отношенія продолжали здѣсь царить съ полнымъ своимъ авторитетомъ. Дьячкамъ не было еще соперниковъ въ лицѣ „богослововъ“. Никогда не были серьезными соперниками ихъ тѣ немногіе „латынщики“, которые дошли въ академіи (потомъ въ бурсѣ) до *инфимы*, *грамматики* и даже *риторики*, потому что они, пранадлежа къ неуспѣвающимъ ученикамъ и проводя въ академіи время въ совершенной праздности, приносили съ собою въ деревню только полное ничегонезнайство и дурныя нравственныя качества и справедливо подвергались злымъ насмѣшкамъ въ кругу дьяковъ. Про нихъ сложено было не мало куплетовъ, въ родѣ напр. слѣдующихъ, которые и я въ раннемъ дѣтствѣ распѣвалъ:

Бувъ Грицько мудрый,
 Родомъ зъ Коломиі,
 Вчився винъ добре на філософіі:
 Въ шестнадцять літь письмо мимривъ,
 Та все по латыни ливривъ... (отъ *liber*, *книга*)
 А на семнадцатимъ перѣчитомъ
 Всю псалтырку винъ знавъ...

Не было соперниковъ дякамъ-кавалерамъ и со стороны другихъ слоевъ населенія. То была странная, сказочная пора. На русской землѣ, въ русской державѣ русскій народъ непосредственно и почти безконтрольно владѣемъ, судимъ и рядимъ былъ пришельцами особаго племени, враждебнаго всему русскому. Польскіе вельможи, паны, *панки* и *підпанки*, составляли господствующій классъ въ краѣ, все интеллигентное, чиновное, строго отдѣлявшее себя отъ остальнаго населенія, съ которыми у него ничего не было общаго. Тѣмъ крѣпче жались другъ къ другу оба тогдашніе классы русскаго населенія, духовенство и крестьянство, представляя собою особый міръ въ краѣ, особую самодовольную общественность. Главнѣйшій тонъ въ этой общественности давали священники и почетнѣйшіе въ приходахъ хозяева, жены и дочери тѣхъ и другихъ, а соль этой общественности, цвѣтъ молодежи ея составляли дяки и поповичи—наслѣдники приходовъ, лучшіе женихи.

Сезонъ веселій въ тогдашней украинской деревнѣ — осень, точнѣе время отъ *Преображенія Господня* (6-го авг.), когда оканчивалась косовица и жатва, поспѣвали фрукты въ садахъ и въ огородахъ, значить начиналось въ домахъ обиліе благъ земныхъ, и до зимняго *Николая* (6 декабря), когда наконецъ необходимо было перестать продавать и расточать, но подумать о сбереженіи продуктовъ для новаго посѣва и о прокормленіи семьи и скота до слѣдующей жатвы. На это время доселѣ припадають въ южно-русскихъ приходахъ всѣ храмовые праздники, всѣ свадьбы, поминки и т. п. Самымъ торжественнымъ случаемъ въ приходѣ былъ храмовой день. Вся околица приходила въ этотъ день въ движеніе, все званное и незванное ѣхало и шло „на храмъ“, у каждаго хозяина въ приходѣ были свои гости. Къ литургіи съѣзжались сосѣдніе и дальніе священники, дяки и поддячіе, такая голосистая служба бывала въ приходѣ только разъ въ году, и мой отецъ въ такихъ случаяхъ бывалъ самымъ желаннымъ въ околицѣ гостемъ на клиросѣ. Невдали отъ церкви, на открытомъ воздухѣ, въ цѣломъ рядѣ выкопанныхъ въ землѣ печей первыя хозяйки въ приходѣ готовили громадскій обѣдъ. Разставлялись столы, со всѣхъ хатъ сносились миски, ложки, и тотчасъ послѣ литургіи за столы садились попы, дяки, почетные хозяева, свои и пріѣзжіе, прочіе группами располагались на травѣ — громада *честно* принимала всѣхъ своихъ гостей. Во время обѣда дяки и попы часто вставали съ своихъ мѣстъ, за ними и вся громада, и пѣли то тропарь храмовому празднику, то „*Покой, Спасе нашъ, съ праведными*“...—въ память умершихъ въ приходѣ, а въ заключеніе—*Со духи праведныхъ и вѣчную память*. Послѣ обѣда, хозяева запрашивали къ себѣ пріѣзжихъ гостей, изъ коихъ каждый находилъ пріютъ и угощеніе до слѣдующаго дня. Всѣ пріѣзжіе священники и дяки, многіе изъ почетныхъ хозяевъ, предоставивъ женамъ и сыновьямъ принимать своихъ гостей, шли къ мѣстному священнику. Располагались въ комнатахъ, на *призбѣ* подъ *стріхою*, въ саду и гдѣ попало. Всѣмъ разносилось вдоволь яствія и питія. Молодежь обыкновенно тянуло въ кухню, гдѣ свои и пріѣзжіе поповны и дочери дяковъ сутились по хозяйству, то для порядка, то для вида. Тутъ располагался и амуръ съ своими стрѣлами. Молодые дяки и поповичи помогали паннамъ лѣпить вареники, *скупать* куръ, подать, принести, выне-

сти, причемъ сыпали поговорками, намеками, изреченіями изъ псалтыри и под., живое веселіе не прерывалось, сердца пламенѣли. А между тѣмъ въ *покояхъ* и за покаями шель оживленный говоръ, изъ рукъ въ руки непрерывно ходили чарки съ *варенухой*, медомъ, вишневкой, сливянкой и т. п., попадаѣи то тамъ, то сямъ тихо заводили унылыя пѣсни. Вдругъ хозяинъ или благочинный закричить въ дверяхъ: „эй, паны-дяки, панычи“... и тѣ уже знаютъ, зачѣмъ зовутъ ихъ. Всѣ дяки располагались у порога, къ нимъ присоединялись всѣ, кто хорошо пѣлъ, всѣ вставали, какъ-бы ни были пьяны, у оконъ толпились гости, располагавшіеся на дворѣ, изъ сосѣдней комнаты выглядывали панны—поповны. Авторитетный пѣвецъ зачиналъ—непремѣнно: *Хвалите Господа съ небесъ...* Изстари это была начальная пѣснь. За нею непосредственно шла также печальная духовная пѣснь—произведенія школьнаго:

Излій на мя, Боже, со небесе росу,
 Да сему пѣнію начало принесу.
 Туга мнѣ зѣла и сердце снѣдаетъ,
 Аки мечемъ обоюднымъ сквозѣ пробождаетъ.
 Ахъ, уподоблюся вранови ноцному,
 День и ночь во грѣсѣхъ (?) пребывающему...

И т. д.

Шли затѣмъ другія подобныя пѣсни, излюбленные грустные мотивы разнообразились, глубже и глубже отзывались въ душѣ. Гости молча слушали, подиѣвали, кто свѣсилъ голову, кто утиралъ слезы... „Призри на насъ, Боже, со святыхъ высотъ, дай утіху сирымъ отъ своихъ щедротъ“... полились одушевленные плачущіе звуки! При словахъ: „сиріткамъ маленькимъ, вдовицамъ убогимъ“... громко начинали рыдать вдовы и вдовцы, за ними всѣ женщины, у самыхъ стойкихъ выступали на глазахъ слезы, всякій вспоминалъ своего отца, мать, умершихъ дѣтей и родныхъ, всякому начинало казаться, что и онъ сирота. А пѣніе разливалось какъ рѣка и заливало душу мотивами историческаго горя! „Буде вже, годі“—кричалъ невыдерживавшій тоски хозяинъ—„дай намъ, Боже, веселыми та здоровыми бути“, и снова начиналось чествованіе, чарки ходили изъ рукъ въ руки, измученные нервы быстро переходили въ противоположное состояніе, начинался смѣхъ, веселіе...

Отецъ мой также считалъ себя тогда сиротою, выросшимъ въ бѣдѣ и горѣ. Тутъ-то давалъ себя всѣмъ чувствовать его обширный голосъ, сиротское чувство проникало его огнемъ, и онъ тогда рѣшительно покорялъ себѣ сердца поповенъ и участіе попадей. На одномъ изъ такихъ праздниковъ общимъ голосомъ порѣшили дать ему въ невѣсты поповну, дочь мѣстнаго священника, которая сильно занимала его и, не смотря на тринадцатилѣтній возрастъ, слыла первой пѣвуньей въ околоткѣ. Скоро за симъ состоялась и свадьба. Это было въ 1821 году.

Живые, веселые, любившіе общество, обое пѣвцы, молодые супруги плохіе были хозяева. Пошли и дѣти, получилъ отецъ и діаконскій санъ (1824 г.), по душѣ пришелся новой громадѣ, мирно жилъ съ священникомъ, кидался на промыслы, много работалъ, а достатка не было. Отецъ мой никогда до самой смерти своей не выпивалъ рюмки водки самъ-на-самъ и ненавидѣлъ такихъ людей, хотя-бы пьющихъ *стомаха ради*. Но отъ компаніи онъ не отставалъ и для друга-пріятеля готовъ былъ и послѣднее отдать. Мать любила общество,—поговорить, попѣть, потанцовать, угостить варенухой, которую она хорошо приготавливала. Причина недостатка въ домѣ была такимъ образомъ ясна, только не для самихъ хозяевъ, которые, продолжая то предаваться житейской поэзіи, то горевать, напрягать силы, ждали завѣтнаго тридцатилѣтія жизни отца, какъ избавленія отъ всѣхъ бѣдствій. По церковнымъ канонамъ, никто не можетъ получить священническаго сана раньше тридцатилѣтняго возраста; исключеніе сдѣлано у насъ только для получившихъ богословское образованіе. Счастье улыбнулось горемыкамъ - супругамъ: едва минуло отцу тридцать лѣтъ, какъ умираетъ священникъ—ближайшій сосѣдъ тестя его, не оставивъ послѣ себя наслѣдника прихода. Тесть, хорошо знакомый въ этомъ приходѣ, тотчасъ вызвалъ зятя и съ нимъ явился къ громадѣ. Громада въ это время убирала въ стоги помѣщичье сѣно. На сѣнокося происходила первая рекомендація. Чтобы рельефнѣе показать достоинства зятя—кандидата, тесть просилъ у громады позволенія прослужить съ нимъ въ мѣстной церкви вечерню, утрению и литургію. Служеніе отлично зарекомендовало отца предъ громадою. Соперниковъ у него не было, потому что не могъ-же считаться соперникомъ хриплый и вялый сосѣдній діаконъ и другой, священникъ,

извѣстный въ околоткѣ своимъ неспокойнымъ характеромъ. По литургіи громада приглашена была во дворъ покойнаго священника для постановленія окончательнаго рѣшенія. Тутъ конечно ожидало громаду угощеніе на счетъ просителя. Тутъ-же производилось и испытаніе житейскихъ достоинствъ кандидата: умѣетъ-ли онъ почитать хозяина, поговорить по душѣ, не драчунъ-ли въ пьяномъ видѣ и т. п. Послѣ сего уговаривались о платѣ за требы. На этомъ пунктѣ отецъ мой сдѣлалъ промахъ: „що ласка ваша, громада,—хто якъ може“, отвѣтилъ отецъ на вопросъ о количествѣ платы. Громадѣ отвѣтъ очень понравился, но въ послѣдствіи отецъ не разъ сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ отъ этой неопредѣленности возникало немало недоразумѣній для обѣихъ сторонъ и прихожане сами часто тяготились невѣдѣніемъ, что дать священнику за трудъ, чтобы и себя и его не обидѣть. Какъ-бы то ни было, составлено было *одобреніе*, съ которымъ отецъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ хозяевъ, отправился къ мѣстному помѣщику. Старикъ и простакъ панъ ласково принялъ отца, вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи содержателя корчемъ и мельницъ въ его имѣніи и фактора по дѣламъ его, еврея Азриля, принялъ одобреніе, подписалъ его и вручилъ отцу, сказавши: „*jak będziesz dobrym, to i tobie będzie dobrze*“ и затѣмъ даже выслалъ отцу рюмку водки, которую тотъ почтительно выпилъ за здоровье пана.

Съ *одобреніемъ* въ карманѣ, засвидѣтельствованнымъ и благочиннымъ, отецъ на радости продалъ послѣднее добро и отправился въ епархіальный городъ. Здѣсь все окончилось успѣшно. Но мытарства, которыя прошелъ онъ въ консисторіи и въ кафедральномъ соборѣ—отъ подачи прошенія до экзамена, отъ экзамена до рукоположенія, отъ рукоположенія до полученія ставленнической грамоты—такъ подѣйствовали на его впечатлительную натуру, что потомъ въ теченіе двадцати-семилѣтняго служенія своего онъ ни одного разу не былъ въ консисторіи и только два раза былъ у архіерея (оба раза неудачно), и то подъ конецъ жизни своей.

Посвященіе отецъ получилъ 4 августа 1828 г. — день свято чтимый имъ ежегодно, а къ храмовому празднику (8 сент.) онъ уже былъ въ своемъ приходѣ. Служеніе отца въ церкви очень понравилось громадѣ. Въ тотъ-же день полились приношенія: кто дарилъ яловку, бычка, овцу, свинью, кто курицу съ пѣтухомъ,

утку, гуся, кто мѣрку, а кто и корецъ жита, пшеницы, ячменя, овса и под. Тутъ-же пообѣщали достать для него—кто вербу, кто дубъ, ясень и под. на постройки, такъ какъ предшественникъ отца, не оставляя послѣ себя наслѣдника, не заботился о постройкахъ и оставилъ все въ разрушенномъ видѣ, а годное къ употребленію дерево изъ построекъ забрали родственники его. Усадьба для священника была церковная, но постройки на ней онъ долженъ былъ имѣть собственныя. Зиму прожилъ отецъ въ крестьянскомъ домѣ, а въ слѣдующее лѣто у него готовъ уже былъ свой домъ и хозяйственныя службы. По эрекціямъ, даннымъ мѣстнымъ униатскимъ священникамъ давнимъ владѣльцемъ имѣнія, знаменитымъ польскимъ магнатомъ, земельныхъ угодій въ пользованіи священника было достаточно для того, чтобы жить по тогдашнему въ довольствѣ. Народу жилось тогда довольно просторно. Панъ подолгу живалъ въ городахъ, занимая какія-то общественныя должности и исполняя какія-то выгодныя для него порученія магнатовъ; крестьяне имѣли вдоволь земельныхъ угодій, владѣли хуторами, занимались промыслами, ремеслами, ходили на Донъ, въ Крымъ въ степи на заработки и т. п., а потому жили въ довольствѣ даже въ обиліи сельскихъ благъ. Все обѣщало отцу жизнь спокойную и довольную. Впослѣдствіи всю жизнь поминалъ онъ это первое время въ приходѣ, какъ время наибольшаго общаго довольства и спокойствія.

Польская революція 1831 года измѣнила все положеніе края.

(Продолженіе будетъ).

Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія,

по воспоминаніямъ дѣтства.

(Продолженіе)*).

По рассказамъ отца моего, еще въ рождественскіе праздники 1830 года мѣстныя жида и паны о чемъ то шушукались, отъ двора до двора ѣздили то панки, то жидки, заѣзжали къ богатымъ мужикамъ, подмигивали мелкой шляхтѣ. Крестьяне недоумѣвали, священники въ страхѣ ѣздили другъ къ другу... Всю зиму шли толки и предположенія. Одни говорили, что „Константинъ“ идетъ войной на „Николая“ за отнятіе у него престола. Другіе полагали, что Бонапартъ, долго скрывавшійся гдѣ-то, снова появился и съ несмѣтною силою идетъ на Россію. Мелкая шляхта проговаривалась, что въ Варшавѣ уже царствуетъ король польскій. По весной дѣло стало проясняться: по деревнямъ появились всадники при сабляхъ, постолетахъ и т. под., мелкая шляхта готовилась „do bronі“, уніатскіе священники, которыхъ въ нашей околицѣ оставалось въ это время всего три, громко твердили, что снова здѣсь будетъ Польша и унія. Въ маѣ или въ началѣ іюня, поздно вечеромъ, вбѣжалъ къ отцу крестьянинъ съ крикомъ: „утікайте, панъ-отче! ляхівъ пришла сила, видимо-невидимо, якъ хмары; всі узброєни (вооружены), утікайте“!... Въ ту-же ночь отецъ отправилъ жену и дѣтей къ тестю, а самъ спрятался въ ровъ, поросшій высокимъ и густымъ бұрьяномъ. Пановъ оказалось не „якъ хмары“, но всего пять—шесть, за то чвалства было „видимо—невидимо“. Подобныя пайки ежедневно проходили по деревнѣ, съ пѣніемъ: „Jeszcze Polska nie zgi-

*) См. въ сентябр. книжкѣ «Кіев. Старины».

неда“... требовали у крестьянъ подводъ, провизіи, говорили про унію, бранили *поповъ*. Одна изъ шакъ, въ большомъ составѣ, собирала во *дворъ* крестьянъ, объявила о возстановленіи польскаго королевства, посылала розыскивать отца для приведенія крестьянъ къ присягѣ. Крестьяне, знавшіе, гдѣ отецъ укрывался, не выдали его. Прошелъ мѣсяць или болѣе томительной неизвѣстности, какъ въ свою очередь ляхи, раценные, оборванные, въ ужасѣ стали появляться по рвамъ, пасѣкамъ, пристава къ пастухамъ, чумакамъ, появились мелкіе отряды русскихъ войскъ, разыскивавшихъ бѣглецовъ. Стало извѣстнымъ, что подъ Далевымъ польское войско совершенно разбито. Отецъ вздохнулъ свободно... По деревнѣ крестьянскіе мальчишки распѣвали уже пѣсню, которую и я потомъ въ дѣтствѣ пѣвалъ:

Ой, бувъ ляшокъ морквяный,
 А кінъ буряковий,
 Шапка въ ёго съ постернаку,
 Жупанъ лопуховий.
 Пистолеть съ качана,
 Кулі зъ бараболі,
 Шабеличка изъ петрушки,
 Піховки зъ квасолі.
 Вийнявъ ляшокъ пистолеть,
 Тай почавъ стріляти,—
 Свині кулі похапали,
 Нічимъ воювати!..

Но скоро радостныя ожиданія крестьянъ и духовенства стали омрачаться. Розыски „мятежниковъ“ ложились тяжкимъ бременемъ на народъ, наводили страхъ на всѣхъ... Никто не былъ свободенъ отъ подозрѣній расходившихся сыщиковъ, искали „мятежниковъ“ не только въ панскихъ дворахъ, но и въ священническихъ домахъ; у богатыхъ крестьянъ—на хуторахъ, въ мельницахъ и т. под., причемъ нерѣдко исчезало все цѣнное, съѣстное. Сталось такъ, что едва появлялся въ деревнѣ отрядъ русскихъ войскъ, или пропосилась молва о приближеніи его, какъ одни уходили изъ деревни, другіе прятали въ землю все цѣнное, трепетали за коровъ, барановъ и т. п. Между тѣмъ „мятежниками“ въ нашей околицѣ оказа-

лись только мелкіе шляхтичи, не имѣвшіе никакой собственности, или такіе паны, которые продали свои имѣнія, или уступили ихъ своимъ роднымъ, на что оказались въ исправности необходимые акты. Только владѣлецъ огромнаго имѣнія, достаточнаго для образованія цѣлаго большаго уѣзда; одинъ изъ видныхъ польскихъ магнатовъ, генералъ польскихъ войскъ, не успѣлъ спрятать концовъ, и имѣнія его конфискованы, а потомъ превращены въ военные поселенія. Такимъ образомъ всѣ помѣщики остались при своихъ владѣніяхъ. Они теперь приковали себя къ нимъ и занялись исключительно хозяйствомъ. Наступило господство военныхъ командъ, военныхъ комиссій, исправниковъ и станowychъ, разѣзжавшихъ по деревнямъ съ возаками, разсыльными и т. под. Девизомъ въ краѣ стало строгое повиновеніе установленнымъ властямъ, которое для крестьянъ значило строгое повиновеніе своимъ помѣщикамъ. Ослушаніе помѣщика наказывалось, какъ неповиновеніе властямъ, какъ революціонный духъ, бунтъ. Въмѣстѣ съ розысками мятежниковъ и установленіемъ порядка въ краѣ наступило отнятіе помѣщиками у крестьянъ хуторовъ, мельницъ, *излишнихъ* земельныхъ угодій, прекращеніе права отлучки ихъ изъ деревни, права промысловъ и торговли, даже права собственности, потому что помѣщикъ могъ отобрать у крестьянина его хату, усадьбу, скотъ и все имущество. Народъ быстро сталъ бѣднѣть... Въмѣстѣ съ своими прихожанами потерпѣлъ и отецъ мой. Законъ 1833 года устанавливалъ для каждаго православнаго причта не менѣе тридцати трехъ десятинъ земельныхъ угодій: гдѣ въ пользованіи причтовъ имѣлось земли менѣе этого количества, тамъ помѣщикъ обязанъ былъ прирѣзать недостающее число десятинъ изъ собственныхъ земель, а гдѣ имѣлось земельныхъ угодій болѣе тридцати трехъ десятинъ и право владѣнія ими подтверждалось эрекціями, тамъ все количество земель оставалось въ пользованіи причта и на будущее время. Отецъ мой наслѣдовалъ отъ своего предшественника значительныя земельныя угодья, которыя точно описаны были еще въ уніатскихъ церковныхъ визитахъ, хранившихся при церкви, съ указаніемъ въ нихъ на подлинныя эрекціи. Но подлинныхъ эрекцій отецъ мой не нашелъ въ церкви послѣ своего предшественника; полагали, что таковыя забраны были базилианскимъ визитаторомъ, ревизовавшимъ церкви предъ самымъ присоединеніемъ края къ Россіи. Не смотря на существованіе

базиліанскаго монастыря, посылавшаго визитаторовъ, комиссія, приводившая въ исполненіе законъ 1833 года, не нашла нужнымъ навести точныя справки; отцу моему съ причтомъ отрѣзали тридцать три десятины земли въ указанныхъ помѣщикамъ мѣстахъ, наименѣе выгодныхъ для пользованія, причемъ на узаконенныхъ трехъ десятинахъ сѣнокоса помѣщикъ вырубилъ дубовый лѣсъ; бывшія угодья всѣ отошли во владѣніе помѣщика. Съ измѣненіемъ имущественныхъ и полицейскихъ отношеній въ деревнѣ, стали измѣняться внутреннія отношенія и расположенія въ приходѣ. Помѣщикъ уже не стоялъ высоко надъ громадою, въ ореолѣ величія, повелѣвавшего изъ туманной дали, чуждавшагося вмѣнательства въ ближайшія интересы громады; опъ жилъ теперь безъвыѣздно въ деревнѣ мелкимъ трусливымъ панкомъ, который, какъ клещъ, впился въ громадское тѣло, производя зудъ и томленіе въ цѣломъ деревенскомъ организмѣ. Скоро помѣщикъ умеръ, оставивъ имѣніе двумъ сыновьямъ своимъ. Стало въ деревнѣ два помѣщика, два клеща въ громадскомъ тѣлѣ. Колокольчикъ становаго пристава усиливаетъ зудъ въ крестьянскомъ тѣлѣ, потому что всякая жалоба помѣщика строго взыскивалась на крестьянахъ, а всякое заступничество отца за прихожанина вело за собою строгое внушеніе: „ваше дѣло, батюшка, въ церкви, а не здѣсь; сидите смирно, не то—пойдете муку сѣять“...

Такия-то послѣдствія принесла южнорусской деревнѣ польская революція 1831 года. На глазахъ всѣхъ быстро падали одно за другимъ прежнія, польско-католическія начала общаго быта: падали польскія учрежденія, литовскій статутъ, отдѣленія польскаго банка, польскія школы, господство полонизма и католичества въ администраціи и полиціи,—появлялись и грозно подчиняли себѣ всѣхъ и все новые законы, новыя учрежденія, новый духъ. Но для простаго глаза не доступны были внутреннія основы и высшія задачи наступившихъ перемѣнъ; онъ видѣлъ только перемѣны въ тѣсной деревенской сферѣ и въ отношеніяхъ деревенскаго ежедневнаго быта,—видѣлъ и страшно недоумѣвалъ... Въ сокращеніи польско-католическаго величія чувствовалось что-то отрадное, имѣвшее въ виду поднять въ краѣ русскій духъ изъ долгаго приниженія его, поднять и одушевить все русское, а между тѣмъ на дѣлѣ видѣлось совсѣмъ другое: вмѣстѣ съ полонизмомъ далеко бо-

лѣе прежняго принижался русскій народъ, вмѣстѣ съ католичествомъ сильно ограничивалось вліяніе православной церкви, надъ всѣми господствовала только угроза и кара. Появились въ край и всѣмъ овладѣли два теченія, вступившія между собою въ отчаянную борьбу, задачи которой были слишкомъ туманны не для одной только деревни. Съ одной стороны чувствовалось, что точно глаголѣ Божій прогремѣлъ по всему краю, что наступило время торжества для всего, что такъ долго страдало, терпѣло, надѣялось,— съ другой стороны, на каждомъ шагѣ раздавались только грозные голоса панскихъ приставниковъ и разсылныхъ становаго пристава, появлялись новыя бѣдствія, требовалось новое, болѣе сильное терпѣніе, а надеждъ впереди не видѣлось никакихъ... Злая сила—какой-то вишигретъ изъ польскаго, раздраженнаго неудачею, озлобленія и русской, невѣжественной, дикой и грубой разнузданности—вступила въ упорную борьбу съ рѣшеніемъ судебъ исторіи, измѣняла требованія новаго духа, затираала слѣды его, затемняла и обезображивала его, чтобы создать изъ него бичъ и пугало для тѣхъ, кто долго жилъ надеждами на лучшее будущее. Всѣ новые законы, въ которыхъ чувствовалось присутствіе добрыхъ намѣреній, на дѣлѣ приносили для края только обратныя послѣдствія, данные народу охранители на дѣлѣ часто казались хуже исконныхъ притѣснителей его. Полонизмъ, преслѣдуемый въ законахъ и распоряженіяхъ, загнанный въ деревенскія трупобы, быстро приручилъ къ себѣ невѣжественныхъ и грубыхъ агентовъ мѣстной администраціи и полиціи и всею тяжестью своего озлобленія обрушился на деревню, высасывая изъ нее послѣдніе гроши для новаго „будованья“ и усиливаясь лишить правительство надежной опоры въ ней для края...

Для отца моего, привыкшаго по старинѣ быть едино съ своими прихожанами, жить его радостями и печальми, всегда оставалось сфинксовою загадкою: „знай церковь, въ дѣла крестьянъ не мѣшайся“... Онъ чувствовалъ надъ собою точно мечъ Дамокла—грозное слово становаго пристава: „пойдете муку сѣять“—позоръ, которымъ неразъ потомъ страдалъ его панъ, даже арендаторъ—шинкаръ Азриль, а за нимъ зять и пресмникъ его Мошко. Въ представленіи отца моего императоръ Николай былъ рыцаремъ, какого свѣтъ не видѣлъ; онъ отъ всей простой души своей вѣрилъ.

многочисленнымъ сказкамъ, разносимымъ солдатами, о его необычайныхъ подвигахъ; въ родѣ, напр., разгрома всѣхъ сенаторовъ и министровъ, заманившихъ его въ сенатъ, чтобы тутъ секретно покончить съ нимъ,—внезапнаго появленія въ синодѣ, отъ котораго всѣ архіереи попрятались подѣ столъ,—посылки въ Варшаву своей палки вмѣсто короля и т. п.; онъ не допускалъ, чтобы такой рыцарь, заставившій поляковъ сидѣть смирно, разжаловавшій мелкую шляхту въ однодворцы, прижавшій жидовъ приказомъ брать ихъ въ солдаты, освободившій духовенство отъ зависимости польскихъ помѣщиковъ, надѣлившій его жалованьемъ, уменьшившій потомъ народу павщину на половину и т. п.,—чтобы этотъ благодѣтельный для края царь могъ не знать, что тутъ творится панамъ, станowymi и т. п., и только утѣшалъ себя мыслию о томъ, что вѣроятно онъ собирается съ кѣмъ либо воевать и что, покончивши войну, онъ примется снова за пановъ...

Среди этой общей тяготы, отца постигло горе, которое онъ считалъ для себя тяжелѣе всякаго другаго. Наша мать стала болѣть; три года отецъ возилъ ее по докторамъ, надолго оставлялъ ее у знаменитаго въ то время „Михалка“, жившаго въ Бердичевѣ и лечившаго больныхъ травами, и у другаго подобнаго лѣкаря, жившаго на Подольи. Наконецъ, въ 1837 году мать наша умерла. Живю помню отчаяніе отца и всеобщій плачъ при гробѣ съ сосѣдей и прихожанъ. Изъ причитаній попадей наиболѣе осталось у меня въ памяти: „ой, хто-жъ намъ такъ красно заспіває!...“ Крестьяпки-же всегда потомъ поминали, какъ „покойная“ убирала ихъ къ вѣнцу, любила съ ними потанцовать на свадьбахъ, поигать, повеселиться. Насъ дѣтей осталось послѣ матери въ живыхъ четверо: старшему брату было 13 лѣтъ, и онъ учился уже въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, слѣдующему было 8 лѣтъ, мнѣ 6 лѣтъ, сестрѣ 4 года. Отецъ, весь разбитый горемъ, часто надолго уѣзжалъ изъ дому, куда глаза глядятъ, или дома принималъ компанію, то сосѣдей—священниковъ, то крестьянъ, заливая съ ними тоску. Мы дѣти оставались на попеченіи слугъ и жили, по выраженію отца, „якъ потерчата“. Не имѣли возможности управитъся съ нами дома, отецъ въ томъ же году, когда мнѣ не было еще семи лѣтъ, опредѣлилъ и насъ двухъ въ то-же духовное училище, въ которомъ обучался

старшій нашъ братъ. Отецъ почти еженедѣльно прїѣзжалъ къ намъ; когда репетиторъ усадить насъ за книгу, онъ сядетъ подлѣ, смотритъ въ книжку, плачетъ, и мы плачемъ; идемъ въ классъ—онъ провожаетъ насъ до воротъ—плачетъ, и мы плачемъ. Идемъ по дорогѣ, оборачиваемся—стоитъ отецъ на томъ-же мѣстѣ и утираетъ слезы... Нужно было отцу уѣзжать отъ насъ ночью, когда мы уснемъ, иначе мы поднимаемъ вой, цѣпляемся за него, за колеса, бѣжимъ за возомъ съ отчаяннымъ воплемъ... Старшій нашъ братъ совсѣмъ свихнулся отъ этой жалости къ отцу. Бывало уѣдетъ отецъ отъ насъ—онъ ходитъ совсѣмъ потерянный, сядетъ у окна или на крылечкѣ, глядитъ на дорогу, по которой уѣхалъ отецъ, и все поетъ. На другой день утромъ просыпаемся—нѣтъ его! Спустя нѣсколько дней, отецъ привозитъ его, внушаетъ не убѣгать, угрожаетъ наказаніемъ, но едва уѣдетъ—тотъ плачетъ, мечется, не ѣстъ, не пьетъ, начинаетъ пѣть—и опять пропасть! Снова привезетъ его отецъ, инспекторъ выпоретъ, а онъ снова удерстъ. Противна стала ему и книжка, и пиколъ, и городъ до смерти. Когда наконецъ самъ отецъ выпоролъ его за побѣгъ, онъ—бывало—дезертировавъ изъ города, прячется дома въ соломѣ, въ кухнѣ на печи подъ покровительствомъ слугъ и под.,—ему только-бы чувствовать себя вблизи отца, слышать голосъ его, мелькомъ взглянуть на него—такъ тнуло его къ нему! Разъ прїѣзжаетъ къ намъ отецъ, а брата нѣтъ уже нѣсколько дней въ городѣ! Спѣшить онъ домой, роется по всѣмъ закоулкамъ—нѣтъ его, и никто не видѣлъ... Тогда-то загоревалъ отецъ! Взявъ насъ изъ училища, мы видѣли его тогда только плачущимъ и рыдающимъ. Снарядилъ онъ двѣ подводы и послалъ надежныхъ людей въ разныя стороны спрашивать по большимъ дорогамъ. И вотъ въ одинъ вечеръ привезли бѣглеца, нашли его въ одной корнѣ въ херсонскихъ стенахъ, въ кабалѣ у жида! Послѣ этого случая, отецъ отвезъ всѣхъ троиخъ насъ въ далекій епархіальный городъ и опредѣлилъ въ тамошнее духовное училище. Старшій братъ скоро взятъ былъ въ архіерейскій хоръ и, нашедши пищу своему растравленному чувству въ пѣвѣ, пересталъ тужить по отцѣ и убѣгать. Къ книжкѣ и пиколѣ онъ уже не воскресилъ въ себѣ охоты и въ послѣдствіи велъ плачевную долю по разнымъ мелкимъ канцеляріямъ и преждевременно погибъ жертвою своего болѣзненного и непонятнаго для него чувства.

Отецъ, разлучившись съ нами, оставшись съ малолѣтнею дочерью, велъ тоскливую жизнь сельскаго вдовца—священника. И теперь, при болѣе сложныхъ условіяхъ быта, вдовство, какъ и сиротство, считается въ деревнѣ наибольшимъ несчастіемъ. Въ настоящее время, при совершенно измѣнившихся условіяхъ деревни, при существованіи въ ней обществённости, какъ сословной, такъ и все-сословной, при значительномъ запасѣ русскаго чиновнаго люда, считающаго себя образованнымъ, при полной возможности литературнаго чтенія, часто раздаются голоса о тяжелой долѣ вдовцовъ—священниковъ, вопіющей будто-бы о необходимости разрѣшенія втораго брака. Что-же было въ то время, когда въ деревнѣ все образованное существовало только въ лицѣ польскихъ пановъ, презиравшихъ и ненавидѣвшихъ православное духовенство, а все русское замыкалось въ кругѣ полуграмотнаго духовенства и темнаго крѣпостнаго народа! Правда, тогдашнія потребности были далеко не такъ широки и разнообразны, какъ нынѣ; за то онѣ были гораздо болѣе нынѣшнихъ глубоки, напряжены и по своей безысходности мучительны. Мой отецъ безусловно чуждался поляковъ и смотрѣлъ на нихъ глазами своихъ прихожанъ. Урывками занимался онъ хозяйствомъ, домомъ, нашими школьными потребностями, въ которыхъ мало что понималъ, а главнымъ образомъ дѣлилъ свою жизнь съ церковію и съ своими прихожанами.

Когда онъ въ первый разъ прибылъ въ свой приходъ, въ то время въ цѣломъ благочиніи, состоявшемъ изъ 18 приходовъ, былъ только одинъ священникъ изъ *ученыхъ*, притомъ *богословъ*, окончившій курсъ въ новооткрытой тогда духовной семинаріи. Всѣ прочіе священники этого благочинія были одной школы съ отцомъ моимъ, „псалтирники“, „дьячковскіе богословы“, какъ выражался о себѣ отецъ. Въ слѣдующемъ году явился другой „богословъ“. Потомъ уже только въ сороковыхъ годахъ, на мѣста вымиравшихъ „псалтирниковъ“ поступали все „богословы“, такъ что къ началу пятидесятихъ годовъ въ цѣломъ благочиніи отецъ оставался единственнымъ представителемъ старины въ цѣломъ околотѣ. И помню почти всѣхъ сосѣдей моего отца—„псалтирниковъ“. Всѣ они выступали въ дымчатыхъ халатахъ съ застегнутымъ пояскомъ, въ приземистыхъ пуховыхъ шляпахъ съ широкими полями и съ клещчатымъ на шляпѣ чехломъ. Такой-же костюмъ носили тогда и бо-

гатые евреи, вслѣдствіе чего новое поколѣніе священниковъ, одѣвавшееся уже по предписанной формѣ, даже отдиравшее мазурку, вальсъ, польку и кадрили въ рясахъ, пренебрежительно называло собратьевъ—старичковъ „халдеями“. Отецъ предпочиталъ дома лѣтомъ ходить въ рубахѣ, зимою въ тулупѣ, въ деревню выходилъ въ какомъ-то длиннополомъ скюртукѣ, который онъ называлъ *шпенсеромъ*, идя въ церковь на литургію, надѣвалъ кафтанъ, а рясу содержалъ только для представленій благочинному и для поѣздокъ въ городъ, и всегда почему-то считалъ эту часть священническаго костюма „ученою выдумкою“, что на языкѣ его означало глупую претензію, пустое тщеславіе. Всѣ почти „псалтирники“, которыхъ я помню, уже чувствовали надъ собою неумолимую силу повизны и съ сокрушеннымъ сердцемъ дѣлали ей уступки. Всѣ они уже воспитывали своихъ сыновей въ семинаріяхъ, но крайней мѣрѣ въ уѣздномъ училищѣ, мечтали отдать своихъ дочерей замужъ на „богослововъ“, поили заѣзжихъ семинаристовъ чаемъ, а не варенухой, снисходительно слушали пѣніе ихъ подъ гитару: „Гляжу я безмолвно на черную шаль...“ и цѣлыя міриады безтолковыхъ сентиментальныхъ тріо, которыя еще и въ мое время поглощали все музыкальное чувство семинаристовъ. Помню только двухъ священниковъ, которые совершенно равнодушно относились къ совершавшейся въ краѣ перемѣнѣ, но одинъ былъ горькій пьяница, другой—откормленный, грубый, напыщенный богатствомъ, которое наживалъ на приходѣ, надѣленнымъ большими земельными угодьями. Первый за пьянство посланъ былъ „муку сѣять“ (на жительство въ монастырь) и гдѣ-то пропалъ, второй умеръ въ своемъ приходѣ, пустивши по міру всѣхъ своихъ дѣтей, изъ которыхъ я впослѣдствіи встрѣчалъ сына—въ „наймитахъ“ у простаго шляхтича. Послѣ 1839 года въ нашемъ благочиніи появились два священника изъ униатовъ, обращенныхъ въ православіе по способу Бибикова. Эти избѣгали всякаго сообщенія съ прочимъ духовенствомъ, водили дружбу только съ шляхтою, говорили по польски. Отецъ мой рѣзко отличался отъ всѣхъ этихъ старыхъ и новыхъ типовъ духовенства. Онъ сознавалъ рѣшительную нужду въ образованіи дѣтей и страстно желалъ видѣть насъ „богословами“. Ходить бывало и мечтаетъ въ слухъ: „батько—псалтирникъ, а сыны—богословы!.. А ну, который нибудь буде и академистомъ!“... Въ такія минуты ему нужно было

подѣлиться съ кѣмъ нибудь пріятною мечтою, и онъ пригласить для этого или кого нибудь изъ прихожанъ, своихъ пріятелей, или своего дьячка: выпьютъ по одной—по другой, помянуть старину, мечты заносятся. „Изъ моего меньшаго, мечтаетъ отецъ, еще и благочинный буде, а може и протопопъ“... „Нехай собі!“—твердитъ какой нибудь Павло Старенькій; „а старшаго (у котораго былъ хорошій голосъ) жаль на попа, зъ нѣго добрый бувъ бы дякъ“... Увы, эти мечты сильно омрачались и теряли всю сладость для отца, когда онъ сличалъ новизну съ стариною. Въмѣсто человѣка почтенныхъ лѣтъ, хорошо знавшаго и уважавшаго народный духъ, главою прихода являлся безбородый юноша, въ шолковой рясѣ, съ претензіями на *панка* или *підпанка*, у котораго крестьянину совѣстно было руку поцѣловать. Прежніе священники принимали прихожанина въ своихъ „покояхъ“, почтеннаго хозяина садили рядомъ съ собою, дѣлили съ нимъ хлѣбъ-соль и задушевную бесѣду; новое поколѣніе священниковъ видѣло въ прихожанахъ только „мужиковъ“, которыхъ принимало въ кухнѣ, стоя, или заводило для пріема ихъ и на счетъ ихъ особыя комнаты при домѣ подъ названіемъ „канцелярій“, въ которыхъ совершало для нихъ домашніе церковные обряды, даже таинство крещенія. Въ собраніяхъ новыхъ священниковъ не было мѣста „мужику“, за то тутъ были ненавистные „мужику“ польскіе „панки“ и „підпанки“ съ своими „паньями“ и „паненками“, иногда „самъ становой“, или писъмоводитель сго, всегда почти полякъ, польская рѣчь летала здѣсь, играла на всѣхъ устахъ, смѣялась, царила. Въмѣсто прежнихъ благочестивыхъ пѣсней, теперь въ такихъ собраніяхъ распѣвались чувствительные романсы, все „къ ней“, или затѣвались танцы, въ которыхъ ряса развѣвалась и носилась въ воздухѣ съ польскою деревенскою граціей. Въ церкви вмѣсто слова простаго, грубоватаго, но выхваченнаго прямо изъ души, изъ жизни, слышались проповѣди, выхваченныя изъ вороха припасенныхъ въ семинаріи, сочиненныя по всѣмъ правиламъ „расположенія“, съ приличными хріями, фигурами, тропами, доказательствами отъ писанія, отъ разума, отъ природы, съ неумолимымъ бичеваніемъ роскоши, богатства, тщеславія,—проповѣди, послѣ которыхъ слушатели тяжело вздыхали, точно потерявъ послѣдній проблескъ свѣта и послѣднее утѣшеніе въ жизни. „Тыфу, тыфу“—плевалъ отецъ мой, помяная всѣ подобныя черты новаго священни-

ческаго быта. Тихо и незамѣтно совершался этотъ переворотъ въ краѣ на глазахъ моего отца, пока наконецъ онъ почувствовалъ себя сжатымъ, какъ кольцою, новымъ бытомъ. Оставшись одинокимъ среди новыхъ товарищей, онъ поникъ всѣмъ существомъ своимъ и совершенно замкнулся въ своемъ приходѣ съ своими прихожанами. Онъ не могъ точно опредѣлить, что претало ему въ духѣ новыхъ пастырей и по своему объяснялъ свои антипатіи. „Устава не знаютъ, на гласы пѣть не умѣютъ, а о *подобныхъ* и не спрашивай, часто стихиры и канона не умѣютъ выбрать — дяки надъ ними смѣются... Мужикомъ брезгають, съ панами знаютъ. Ужъ лучше пить съ мужикомъ, чѣмъ съ паномъ... Иной, прости Господи, въ среду или пятницу скоромное ѣстъ у ляха, да вѣруеть-ли онъ въ Бога?.. Не то что выпить съ мужикомъ по Божіему, но ни стать съ нимъ, ни сѣсть, ни поговорить не умѣютъ, даже выбрать его не могутъ, какъ слѣдуетъ, а только: что? какъ? мужикъ, дуракъ... Въ церкви служить, какъ деревянныя, „мимряють“ себя подъ носъ, поютъ то какъ солдаты (придворное нѣніе), то какъ свиньи въ дождь“... Такія и подобныя рѣчи лились изъ устъ отца моего, когда заходила рѣчь о старинѣ и новизнѣ въ быту духовенства. Особенно тяжело стало отцу, когда и мы съ братомъ, ставши уже „философами“ и „богословами“, стали видимо льнуть къ новому поколѣнію священниковъ. Не разъ бывало онъ заводилъ тогда съ нами рѣчь: „и вы будете такими-жъ попами? И чему васъ въ семинаріи учать? За что васъ тамъ быть?“.. Рассказываемъ отцу про разныя науки, порядки; онъ еще больше удивляется: „но отъ чего-же всѣ выходятъ оттуда такими дурнями?“.. Такъ и оставался этотъ вопросъ для отца тяжелою загадкою.

Самъ отецъ мой никогда ничего не измѣнялъ до конца служенія своего въ приходѣ (1853 г.), ни въ церковныхъ порядкахъ, ни въ отношеніяхъ къ своимъ прихожанамъ: все у него шло по старинѣ. Благо, благочинный былъ все одинъ и тотъ-же, самъ пропитанный стариною, а, благодаря положенію прихода въ сторонѣ отъ большой дороги, ни одинъ архіерей не посѣтилъ его при отцѣ моемъ.

Церковь приходская была небольшая, деревянная, съ извѣстными тогда по всему южнорусскому краю тремя куполами. Изъ

униатскихъ „визитъ“, хранившихся въ церкви, видно было, что она построена въ половинѣ прошлаго вѣка издивленіемъ прихожанъ. Незвѣстно, православіе или униа дали небольшому тогда поселенію побужденіе къ постройкѣ церкви. Въ визитахъ говорится, что первый священникъ въ этомъ приходѣ былъ униатъ. Но 1) иконостасъ въ церкви, устроенный въ самомъ началѣ, былъ того стиля, который появился еще въ XVII в., какъ протестъ противъ католицизма, отвергавшаго иконостасы, и противъ унии, урѣзывавшей ихъ до *miniatur*-а, т. е. высокій, въ три яруса, сплошь закрывавшій всю алтарную часть—какъ нынѣшній иконостасъ въ печерской лаврѣ, устроенный въ началѣ XVII в. 2) Въ 1792 году, т. е. спустя не болѣе сорока лѣтъ существованія церкви, когда не мало еще было живыхъ свидѣтелей постройки ея, прихожане рѣшительно изгнали униатскаго священника и просили о назначеніи имъ православнаго священника. По всей вѣроятности, какъ это было по всему краю, едва построена была церковь, какъ униаты овладѣли ею, или первый-же священникъ вынужденъ былъ принять унию, тѣмъ болѣе, что въ визитахъ говорится о немъ и о сынѣ и преемникѣ его, какъ о пьяницахъ, рѣшительно небрегущихъ объ обученіи народа догматамъ католической церкви. При отцѣ моемъ отъ унии оставался только такъ называвшійся всѣми *цимборъ*—шкафикъ подъ запрестольною иконою Божіей матери. Въ такихъ шкафикахъ, всегда имѣющихся въ католическихъ костелахъ за престоломъ подъ иконою, хранились такъ называемыя монстранціи, въ которыхъ подъ стеклышкомъ выставлялось на поклоненіе вѣрующимъ Тѣло Христово, въ видѣ освященнаго оплатка (*oblata—prosuper*). При отцѣ моемъ этотъ шкафчикъ служилъ для храненія въ немъ мелкихъ вещей, какъ-то: ладону, недогарковъ свѣчныхъ и под. Церковь была не крестообразная, но продолговатая (корабль). Въ дѣтствѣ моемъ это была общая форма всѣхъ сельскихъ церквей въ южной Россіи. Въ послѣдствіи стали пристраивать для расширенія церквей по бокамъ крылья, отъ чего церковь получала внутри видъ креста, а не корабля. Надъ крыльями сооружали купола, и церковь становилась пятиглавою. Молодые священники—„богословы“, выносившіе изъ тогдашнихъ семинарій дикіе взгляды на памятники православія и русской народности въ южной Россіи, видѣвшіе во всемъ оригинальномъ остатки унии и полонизма, твер-

дили, что три купола на церкви имѣютъ происхожденіе католическое и выражаютъ идею главенства папы надъ церковію и государствомъ. Нѣкоторые утверждали, что и пять куполовъ такъ-же выражаютъ католическую мысль, именно—о главенствѣ папы надъ четырьмя восточными патріархами. Послѣ того какъ епархіальная консисторія стала выдавать планы на постройку новыхъ церквей объ одномъ куполѣ съ колокольной надъ папертью, что принято было очевидно въ видахъ экономіи, стали утверждать, что православно-русская форма церкви—однокупольная. Что касается трехкупольной формы, которая подвергалась наибольшему подозрѣнію въ католичествѣ, то древность и оригинальность ея на югѣ Руси несомнѣнна. Ни въ предѣлахъ Польши, ни въ католической Европѣ не было обычая располагать куполы по длинѣ храма: если католическій храмъ трехкупольный, то всегда два меньшіе купола располагаются по угламъ на фронтѣ, а третій, большій, надъ олтаремъ. Скорѣе всего три купола въ рядъ по длинѣ церкви соответствовали внутреннему расположенію ея, именно: олтарь (малый куполъ), середина церкви, мѣсто вѣрующихъ и молящихся, самая большая часть церкви (большой куполъ), и наконецъ притворъ—мѣсто оглашенныхъ и калющихся, въ Малороссіи *бабинецъ* (малый куполъ), а потому они имѣютъ естественное происхожденіе тамъ, гдѣ церкви строились въ видѣ корабля (въ первые вѣка христіанства), а не креста (на западѣ) или базилики (преимущественно въ Римѣ). Оригинально относился отецъ мой къ церковнымъ украшеніямъ. Онъ не любилъ ихъ внутри церкви. Здѣсь онъ почти ничего не прибавлялъ къ тому, что засталъ. Стѣны оставались въ натуральномъ видѣ топоромъ стесаннаго дуба, не крашенныя, почернѣлыя. Въ куполѣ оставалось какое-то изображеніе, сдѣланное водяными красками, совсѣмъ почти стертое; отецъ ни-за-что не хотѣлъ возстановлять его. Иконы были все давнія, безъ всякихъ украшеній. Отецъ всегда недоумѣвалъ, зачѣмъ иконѣ золото, серебро, украшенія; онъ увѣренъ былъ, что украшенія къ иконамъ „выдумали ляхи“, которые „съ Богомъ хотятъ быть за панибрата“. „Икона, говаривалъ онъ, не дѣвка, що въ кораллахъ и квіткахъ всякому подбаваетца“. Ризы у отца были всегда очень простыя, престолъ неизмѣнно покрытъ былъ простою большою *хусткою*, какую носили въ то время на плечахъ крестьянки - щеголихи. Когда наконецъ

отецъ мой получилъ набедренникъ — въ награду за двадцати-трехлѣтнюю службу въ санѣ священника, въ томъ числѣ за десятилѣтнюю службу въ должности окружнаго духовника, онъ никогда не надѣвалъ его, такъ и оставался за богослуженіемъ съ длинною *лусткою* у пояса, вмѣсто набедренника, служившею ему для сморканія. За то отецъ очень любилъ украшать церковь снаружи. Всякій годъ лѣтомъ производились какія-либо работы подлѣ церкви: то красились купола, то обшивались досками стѣны, то поднимали всю церковь и подмуровывали ее, или поправляли фундаментъ, то строился новый парканъ, новая двухъ-этажная колокольня и т. д. Лучшаго отдыха отъ полевыхъ работъ онъ не зналъ, какъ сонъ подлѣ церкви, въ тѣни, или бесѣда съ рабочими, особенно когда рабочими были захожіе *кацаны*, которыхъ отецъ очень уважалъ за „повагу“, степенность и плотничье искусство. Еще въ первые годы по прибытіи на приходъ отецъ засадилъ весь церковный погостъ яблонями, грушами, вишнями и другими деревьями. Въ этомъ саду лѣтомъ помѣщалась церковная пасѣка — другое любимое отцомъ мѣсто для отдыха (свою пасѣку онъ содержалъ на сѣнокосѣ, въ дубовомъ кустарникѣ, во избѣжаніе соперничества пчелъ съ церковными). На Спаса (6-го авг.) добывался изъ церковной пасѣки первый медъ, изъ церковнаго садика первые яблоки и груши, то и другое освящалось на литургіи и раздавалось присутствующимъ на *починожѣ*. Самъ отецъ ни за-что не ѣлъ яблокъ, грушъ и меду до Спаса и намъ — дѣтямъ запрещалъ ѣсть, а прихожанъ строго бранилъ, если замѣчалъ въ комъ отступленіе отъ этой заповѣди, которую онъ сравнивалъ съ заповѣдью въ раю. На *Семена* (1-го сентября) собирались къ церкви хозяева и совѣщались съ отцомъ, сколько ульевъ продать, сколько оставить на зиму. Вырученные отъ продажи меду деньги составляли церковный доходъ и служили наибольшимъ подспорьемъ въ нуждахъ церковныхъ. Воскъ шелъ на свѣчи къ иконамъ и *братерскія*, которыя держали почетные хозяева во время пѣнія „херувимской“ и „Тебе поемъ“. Формы древнихъ братствъ давно уже не существовало, но всѣ расходы и дѣла церковные производимы были отцомъ не иначе, какъ по совѣщанію съ старѣйшими и почетнѣйшими прихожанами, которыхъ выдвигалъ громада. Интересны были эти выдвиганія громады. Бывало отецъ скажетъ въ церкви (на „буди имя Господне“): „пора

бы намъ подумать о томъ-то, заходите—порадимся“. Окончилась литургія и начинается выдвиганіе допутатовъ. Одни сами себя выдвигаютъ впередъ съ словами: „а що жъ, ходімъ... хто иде?“ Другихъ окликають прочіе или плечами выпирають изъ толпы: „идіть же, Омельку... Степане... Иване...“. Иной удираетъ по какимъ-либо дѣламъ домой, но его догоняють и заставляютъ вернуться, не смотря на предъявляемые имъ резоны. Или вообще охотно—сколько изъ почести, столько-же и потому, что отецъ дѣйствительно честилъ громаду и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ шелъ противъ рѣшенія ея, — ну, да при томъ-же отъ отца не уйдешь безъ довольнаго угощенія.

Въ совершеніи обрядовъ и богослуженій отецъ мой отличался глубокою простотою и независимостью. Теперь-бы ему мѣста не нашлось въ монастырѣ на эпитиміи за такую самостоятельность, да и тогда, при священникахъ—„богословахъ“, щеголявшихъ формами благоговѣнія и почтенія къ службѣ, онъ неспрѣмѣнно пошелъ бы „муку сѣять“, если бы не старый благочинный, любившій его.

Дома отецъ молился всегда и неизмѣнно по книгѣ, утромъ и вечеромъ, а часто и въ теченіи дня. Читалъ онъ молитвы, иногда стоя предъ образомъ, иногда ходи—по комнатѣ, по двору, по выгону сельскому, то тихо шепча слова, то громко выкрикивая фразы. Среди молитвы ничего не значило для него обращаться къ прохожему съ разными вопросами, замѣчаніями, даже нагоняями. „Помилуй мя, Боже, по величій милости Твоей“... умиленно со вздохами читаетъ онъ...: „а куда такъ бѣжишь?“ замѣчаетъ тутъ-же спѣшавшему слугѣ, и, получивъ успокоительный отвѣтъ, продолжаетъ: „и по множеству щедротъ твоихъ очисти беззаконіе мое“.. Въ интересномъ случаѣ, прерываетъ молитву, подолгу побесѣдуетъ, выберанитъ, если найдетъ за что, и опять продолжаетъ молитву. Священники—„богословы“ смѣялись надъ этимъ обычаемъ „псалтирниковъ“. Но я видѣлъ такой примѣръ на великомъ святителѣ русской церкви, кievскомъ митрополитѣ Филаретѣ (1837—1857), будучи пѣвчимъ въ хорѣ его. Извѣстно, что это былъ непрестанный молитвенникъ въ буквальномъ смыслѣ, что псалтирь не сходила съ устъ его. Ходитъ бывало въ прогулкѣ по саду, а не разъ случалось и по полю съ нами, малыми пѣвчими, и все шепчетъ псалмы. Явственно слышимъ изъ устъ его псаломъ за псаломъ, тихо идемъ за нимъ. „*Коль возлюблена селенія твоя, Господи силъ,*

*желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господи... а, вотъ и малина, кушайте дѣти... Сердце мое и плоть моя возрадовастася... да не ломайте кустовъ, осторожно... ибо птица обрѣте себѣ... зеленой не кушайте... пу, бѣгите"... Онъ-ли не зналъ псалтири наизусть? А бывало, во время длинной дороги, при объѣздахъ спархія, позоветъ къ себѣ въ карету одного изъ насъ, посадить противъ себя, держи предъ нимъ псалтирь, а онъ читаетъ всю дорогу, перелистывая, и тутъ-же дѣлаетъ вопросы рядомъ съ нимъ сидящему архимандриту, потребуетъ чрезъ окно у лакея апельсину, жуетъ и глазами водить по книгѣ. Разъ на почтовой станціи нашли нужнымъ что-то починить въ каретѣ его. Мы были въ дорогѣ съ нимъ, слѣдуя неразлучно въ своей колымагѣ за его экипажемъ. „Ну, дѣти, пойдемъ впередъ по дорогѣ“. Идемъ, старикъ все шепчетъ про себя, прерывая молитву вопросами прохожимъ, въ изумленіи глядѣвшимъ на невиданную процессію, крестьянамъ: „съ работы, домой? Хороша жатва“? и т. п. Вдругъ руческъ поперекъ дороги... „Сядемъ на травѣ“. Сѣли... солнце заходило. Пошепталъ немного святитель и громко читаетъ: „солнце позна западъ свой... пропойте, дѣти, *Сѣте тихій*“... Мы тихонько пѣли, онъ подиѣвалъ сиплымъ дребезжавшимъ голосомъ. Опять сталъ шептать. „А твердо помните вы изъ катихизиса о таинствахъ? Вотъ васъ семь, расскажите каждый по порядку про одно изъ семи таинствъ“. Стали рассказывать, онъ поправлялъ, дополнялъ, иногда забывая про насъ и шепча про себя... Въ сторонѣ отъ насъ образовался кружокъ прохожихъ крестьянъ, глядѣвшихъ на дивнаго старца съ дѣтьми. Подѣхали экипажи...*

Читатель простить мнѣ это небольшое отступленіе по поводу формы домашней молитвы отца моего; оно достаточно поясняетъ молитвенные обычаи старины, у которой форма часто пропадала въ духѣ. Увы, отецъ мой былъ слишкомъ простъ въ своихъ виѣшнихъ молитвенныхъ дѣйствіяхъ; такимъ-же почти онъ былъ и за церковнымъ богослуженіемъ, но не соблазняло это его прихожанъ, ибо всѣ они знали, какъ искренно онъ былъ набоженъ, какъ горячо любилъ церковность и молитву. Удивительнымъ образомъ мирилось въ немъ строгое соблюденіе церковнаго устава и въ тоже время отступленіе отъ его правилъ и формъ. Все покрывала вѣра простая, духъ молитвенный и особый взглядъ на службу Божию.

Не позволялъ напр. отецъ выбрасывать что либо изъ чтенія, какъ теперь выбрасываютъ псалмы, цѣлыя канѣизмы, стихиры, кондаки, сѣдалны, даже въ архіерейскихъ церквахъ. Но вотъ постъ великій, седмица страстная. Сколько тутъ чтенія и пѣнія! Три службы въ день и между ними говѣльщики, требы, заботы хозяйственныя. Подходятъ очередь субботныхъ паремій; при умѣломъ, бѣгломъ чтеніи они займутъ до часу времени. Отецъ укажетъ бывало дьячку двѣ—три пареміи и прибавитъ: „а то дома вычитай..., та гляди, бо Богъ скарае“. И отецъ и дьячекъ вѣрили, конечно, что служба Божія отъ того ничего не потеряла, ибо назначенное для Бога предъ Богомъ вычитано сполна, хотя и на дому. Когда я подростъ, отецъ обыкновенно меня заставлялъ „вычитывать“ эти пареміи дома предъ образомъ. Тоже самъ онъ дѣлалъ относительно евангелій въ страстную недѣлю. Въ церкви онъ читалъ только отрывки изъ того или другаго евангелія, а дома постоянно читалъ, ходя и стоя, евангелія подъ рядъ, дабы къ великому четвергу „вычитать“ всѣхъ евангелистовъ отъ начала до конца. Ничего не составляло для него дѣлать подобныя отступленія при совершеніи вечерни. Служба эта краткая, но она захватывала иногда отца—сельскаго хозяина среди недоконченныхъ работъ и заботъ. Войдетъ онъ въ церковь, надѣнетъ эпитрахиль, скажетъ: „Благословенъ Богъ“... и выйдетъ изъ церкви, ходитъ по погосту, припоминаетъ недоконченное, отдаетъ приказы, дѣлаетъ распоряженія и въ то-же время молитвы, положенныя по книгѣ, читаетъ, заговариваетъ съ проходящими мимо церкви крестьянами и чутко прислушивается къ тому, какъ идетъ въ церкви чтеніе и пѣніе. Вдругъ дьячекъ запѣлъ: „Господи помилуй, Госп...“ Отецъ тутъ-же, ставши лицомъ къ востоку, громко произноситъ свое: „Наки и ки... Заступи, спаси... Пресвятую, пречистую...“ и продолжаетъ начатый распросъ, недосказанное распоряженіе, или опять ходитъ по погосту, пока не придетъ время кажденія или большой эктении и под. Дьячекъ давно свикся съ такимъ порядкомъ, читалъ иногда и безъ священника вечерню и часы и потому, не слыша подчасъ возгласа, продолжалъ читать и пѣть и уходилъ далеко впередъ. Входящій отецъ возвращалъ его назадъ и служба шла до новаго перерыва. Разъ пропущенъ былъ малый входъ и любимый отцомъ догматикъ, дьячекъ началъ уже: *Самъ тихій*... Вдругъ отецъ изъ алтаря: „а

ты еще вже *Свѣте тихій?* Якій скорый! А ну зпсень: *Въ чермнѣмъ морі*“, и съ этимъ становится посреди церкви, начинаетъ свою любимую пѣснь, поетъ—заливается, въ глазахъ слезы, въ лицѣ молитва—искренняя, горячая, къ небу идущая... Что любилъ онъ, то пѣлъ два, три и болѣе разъ, не стѣняясь уставнымъ порядкомъ. Въ службѣ подъ день Успенія Божіей Матери есть глубоко трогательная по содержанію и напѣву пѣснь: *Апостолі, онъ конецъ земли совокупились здѣ, погребите тѣло мое, и ты, Сыне и Боже мой, пріими духъ мой!*... Отецъ особенно любилъ эту пѣснь; ея напѣвъ доводилъ его до какого-то экстаза, забытья. Пришло разъ время пѣть ее, а меня съ братомъ въ церкви не оказалось. Отецъ началъ, но послалъ искать насъ; мы прибѣжали, когда онъ съ дьячкомъ доканчивалъ пѣніе уже въ третій разъ. Тѣмъ не менѣе снова въ четвертый разъ отецъ началъ тоже: *Апостолі*, а потомъ и пятый разъ и всякій разъ при словахъ: „погребите тѣло мое, и ты, сыне и Боже мой, пріими духъ мой!“ слезы неудержимо лились изъ глазъ его, и все внимало ему, молилось также глубоко и горячо. По окончаніи вечерни, иногда совсѣмъ уже пустившись домой, отецъ вдругъ поворачивалъ: „а, може, ще що заспѣваемъ?“ Придумаетъ, и „заспѣваемъ“... На литургіи онъ едва поспѣвалъ читать эктениі, молитвы и пѣть за клиросомъ. У него были любимые напѣвы херувимской, милость мира и т. д. Дьячекъ долженъ былъ медленно пѣть, чтобы отецъ успѣлъ прочитать положенную молитву и хотя конецъ пѣсни пропѣть съ нимъ, или-же отецъ, кончивъ молитву, снова начинаетъ ту-же пѣснь, которую дьячекъ окончилъ. Иногда дьячекъ—торопится-ли куда нибудь послѣ литургіи, или не въ духѣ противъ отца, начиналъ пѣть *по новому* (простое, придворное пѣніе). Отецъ перебиваетъ его—послѣ по своему, тотъ упрямо продолжаетъ начатое; тогда отецъ выходитъ на сѣверную дверь и начинаетъ распекать дьяка: „ну, я-жъ тебе прошу --- не чуешь? ну, співай-же, якъ прошу...“ Разъ на утрени Пасхи, когда отецъ посреди церкви христосовался съ народомъ, а на клиросѣ пѣли пасхальныя стихиры, я, поминая школу, гдѣ насъ представляли иныя пѣсни пѣть по гречески, запѣлъ на клиросѣ по гречески: *Христосъ воскресъ*. Но едва я началъ: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ*... какъ отецъ, не подозревавшій тутъ моего велемудрія, вдругъ прервалъ меня: „що ты, небоже, съ просоня?“ Дьякъ, посвященный въ сек-

реть, объяснилъ въ чемъ дѣло. „А, отвѣчалъ отецъ, то цікаво! Слушайте, добрі люди, якъ греки співають: *Христось воскрес...*„ „Добрі люди“ слухали съ любопытствомъ, а отецъ потомъ пояснилъ имъ, что греки когда-то имѣли своего царя и что они научили насъ, русскихъ, въ Бога вѣровать, они-же написали всѣ пѣсни, которыя поются въ церквѣ, и церковную службу установили. „Ну, ще разъ заспівай“. Конечно, я пропѣлъ... Безъ всякаго сомнѣнія, отецъ мой никогда не говорилъ проповѣдей въ смыслѣ нинѣшнихъ. Онъ читалъ поученія или синаксари, положенныя въ тріодяхъ, или меня (когда я былъ уже „богословомъ“) заставлялъ читать ихъ. Въ особенныхъ случаяхъ у него экспромтомъ являлись и свои поученія—въ такомъ родѣ: „Щось вы, люди добрі, св. церковь забуваєте. Который разъ васъ въ церкві не повпо! Василя... Степана... Ивана... который разъ не бачу въ церкві! Скажите їмъ, що то—гріхъ, стыдно. Прійде сповідь, піймаю я ихъ, дамъ имъ“... Но случаю какихъ либо безобразій, появившихся въ деревнѣ, скандаловъ на *вечерницѣхъ* и *досвітницѣхъ*, пьянства, побоевъ мужьями женъ, воровства и под., отецъ выступалъ съ поученіемъ: „Що то у насъ въ селі повелось дяковенного? Подуріли люди, чи що? Що то вы уже перестали Бога боятися? Забули, що вінъ есть на небі, бачить, що дієця на світі? Хотите хіба, щобъ вінъ прійшовъ зъ неба до насъ зъ багатомъ?“... и т. д. Но самыя внушительныя проповѣди происходили во время говѣнья. Тутъ отецъ постоянно былъ въ возбужденіи. Вотъ одинъ подошелъ къ столику съ крестомъ, иконою, сталъ на колѣни, свѣсилъ голову; отецъ, сидя на стулѣ, покрылъ его эпитрахилемъ, наклонился къ нему и въ полголоса бесѣдуетъ. Потомъ бесѣда его становится все громче и громче и явственно слышны: „и то добре, що у тебе діти не распустні, поважають старшихъ, и мирно въ домі, съ сусідами... Господь тебе не оставить“... Слѣдуетъ разрывительная молитва. Исповѣдавшійся встаетъ, цѣлуетъ крестъ, икону и отходитъ,—отецъ въ догонку говоритъ: „забий десять поклонівъ, та прочитай: *Отче нашъ* и *Богородице Діво*“... Подходить другой: тихая бесѣда опять переходитъ въ громкую: „то що-жъ се, ты хіба святой, жадного гріха не маєшь? Пішовъ, ледащо, та одумайся... Расскажи ему, люди добрі, якъ треба сповідатися“—обращался онъ къ предстоявшимъ. Тотъ отходитъ со стыдомъ и являлся чрезъ часъ—два. Но вотъ

подошелъ какой-то пасмурный, видимо растерявшійся; преклонился, въ толпѣ прошелъ шепотъ. Отецъ, не покрывая его эпитрахилемъ, всматривается въ него: „а, голубе, таки прійшовъ до Господа Бога —громко говоритъ отецъ:—отъ Бога не утічешь“... „То мы его привели“—отзываются тихо изъ толпы. „То-то, продолжаетъ отецъ —отъ Бога не утічешь, Богъ всюду найде тебе... Ну, що-жъ теперь буде зъ нами? Якъ ты самъ думаешь“?... Грѣшникъ стоитъ на колѣняхъ, совсѣмъ потерянный. „Що мы зъ нимъ зробимъ, добрі люди“?, обращается отецъ къ предстоящимъ. „Возьміте та привяжите его на якій часъ до яблоні, нехай тамъ спокутує гріхъ свій“... *Добрі люди* ожидали этого. Староста, дачекъ, почтенные хозяева подхватывали грѣшника, уводили изъ церкви и привязывали веревкой къ яблони у входа въ церковь. Прохожіе молча глядѣли на него, никто не удивлялся, не спрашивалъ, за что. Иная баба только проговорить жалостно: „охъ, тяжкій гріхъ, липечко“!... Никто не спрашивалъ о причинѣ кары потому, что давно уже все село знало его вину, долго говорили о ней и давно всѣ порѣшили, какъ поступить съ нимъ при исповѣди. Это—сынъ, побившій своего отца, пьянствующій, буйствующій въ домѣ, никого не слушавшій, не являвшійся въ церковь долгое время. Побить отца или мать считалось самымъ тяжкимъ грѣхомъ. Между эпитиміями, налагаемыми на кающихся, кромѣ частныхъ или личныхъ, были и общія для всѣхъ, состоявшія въ томъ, что кающіеся должны были исполнить какія либо работы при церкви и въ усадьбѣ отца, напр. окопать огородъ рвомъ, огородить дворъ плетнемъ, поправить крыши на домѣ или хозяйственныхъ строеніяхъ, а толковые и знающіе—поправить или переложить парканъ при церковномъ погостѣ, поправить дощатую обшивку на наружныхъ стѣнахъ церкви и т. п. Такъ велось изстари и отецъ никогда не измѣнялъ этого обычая, даже послѣ введенія „инвентарей“, которыми возложена на крестьянъ обязанность строить и починять для причта дома и службы на свой счетъ—обязанность, которой отецъ мой никогда не признавалъ, предпочитая эпитимійный способъ или „толоку“ т. е. работу за угощеніе.

Въ частныхъ обрядахъ отецъ свято соблюдалъ старину, не обращая никакого вниманія на указы и запрещенія. Извѣстно, что въ „Московскомъ Требникѣ“, окончательно отредактированномъ при

патр. Николѣ, принято весьма незначительное количество обрядовъ на разные случаи въ быту христіанина—изъ той массы ихъ, какая существовала до того времени въ различныхъ редакціяхъ требника въ Греціи, Сербіи, Молдавіи, на Афонѣ, въ южнорусской церкви и въ самой Великороссіи. Въ одномъ требникѣ Петра Могилы (1646 г.) имѣется до 48 обрядовъ, не принятыхъ въ никоновскомъ требникѣ. Послѣ воссоединенія бѣлорусскихъ униатовъ съ православною церковію (1839 г.), указомъ св. синода повелѣно отобрать у всѣхъ церквей богослужебныя книги старыхъ мѣстныхъ изданій и замѣнить ихъ изданіями московской редакціи. Отецъ не подчинился этому указу въ отношеніи требника. У него свято хранилось какое-то старинное изданіе требника безъ заглавнаго листа и, кромѣ того, писанныя молитвы на разные случаи. Жучокъ появился въ поляхъ—есть обрядъ, отецъ отправляется въ поля и служитъ молебенъ объ избавленіи отъ жучковъ. Моръ на скотъ въ деревнѣ—есть обрядъ, сгоняють со всей деревни скотъ, отецъ служитъ молебенъ объ избавленіи отъ мора, окропляетъ скотъ священною водою. Появилась въ селѣ холера—есть такой обрядъ, отецъ обходитъ съ процессіей вокругъ всей деревни, на четырехъ сторонахъ его служитъ молебенъ и весь путь окропляетъ св. водою. Были молебны „за страдающихъ огневицею“, „противъ огня“ (во время пожара) и т. п. Однимъ словомъ, на всякую повидимому нужду паходился обрядъ или молитва ¹⁾. Помню, какъ однажды, прочитывая отцу униатскія церковныя визиты, хранившіяся въ церкви, и встрѣтилъ въ нихъ указаніе на обычай звонить каждый вечеръ въ

¹⁾ У весьма многихъ священниковъ я встрѣчалъ потомъ в доселѣ то старинныя православныя, то—чаще всего униатскія (сдѣланныя по требнику Петра Могилы) изданія требниковъ, то рукописныя сборники молитвъ, которыми они пользовались въ нуждахъ прихожанъ. Это, кажется, вполне извѣстно епархіальнымъ архіереямъ и св. синоду. Остается открытымъ вопросъ: законно или незаконно въ этомъ случаѣ поступаютъ священники? Замѣна всѣхъ редакцій требника никоновскимъ означаетъ-ли запрещеніе непринятыхъ въ немъ обрядовъ, или только предоставленіе ихъ личному благоразумію священника? Кажется, пора рѣшить этотъ вопросъ. Едва-ли церковь рѣшится наложить на нихъ запрещеніе; скорѣе духъ церковный потребуетъ оживленія этой части богослуженія... Въ такомъ случаѣ необходимо пересмотрѣть и исправить эти обряды и молитвы, въ которыхъ по мѣстамъ проглядываютъ предразсудки и глубокое невѣжество.

колоколь, дабы прихожане во всѣхъ домахъ прочитали: *Вогородице Дѣво, радуйся...*—обычай впервые установленный въ приходѣ униатскою властію по примѣру римско-католическихъ церквей. Отецъ, весьма дорожившій этимъ сохранившимся въ приходѣ обычаемъ, но ненавидѣвшій униатовъ, крайне изумился этому указанію, но затѣмъ рѣшилъ, что униатскій визитаторъ вретъ, а вѣроятно униатскій священникъ, о которомъ визита отзывается, какъ о пьяницѣ, нерадящемъ о добрыхъ обычаяхъ въ приходѣ, опустилъ и этотъ обычай,—что у его отца звонили, во всѣхъ православныхъ приходахъ издавна звонили... Звонъ остался по прежнему... Также рассуждалъ онъ и о обливаніи при крещеніи и крестилъ чрезъ обливаніе, „по старому, а не по новому“ (чрезъ погруженіе), какъ онъ выражался.

Послѣ литургіи почетные прихожане изъ церкви шли къ отцу въ домъ „на молитву“. Въ комнатѣ, носившей громкое названіе „покой“, былъ глиняный полъ, „канапка“, покрытая ковромъ домашней работы, шесть простыхъ стульевъ, такой-же столъ, впоследствии къ нимъ прибавился комодъ и маленькій столикъ. Мебели немного! За то иконъ было немало, на всѣхъ стѣнахъ, всѣ въ натуральную величину, на полотнѣ, такъ что „покой“ походилъ на молельню или часовню. На столѣ уже заранѣе приготовлены были водка, хлѣбъ, масло, пироги. Отецъ громко прочитаетъ молитву Господню, поблагословитъ „ястіе и питіе“, наливаетъ рюмку водки и, обращаясь къ ближайшему гостю, говоритъ: „дай Боже здоровья“! затѣмъ обращается ко всѣмъ присутствующимъ, произнося: „дай намъ, Боже, здоровья“! выпиваетъ непременно до дна, наливаетъ чарку вновь и подноситъ ее тому, къ кому лично обращался съ пожеланіемъ здоровья. Тотъ, принявъ чарку, такимъ-же порядкомъ обращается къ своему сосѣду и ко всѣмъ съ пожеланіемъ здоровья и т. п. Сидѣли, говорили о погодѣ, урожаѣ, о случаяхъ въ деревнѣ, нуждахъ личныхъ и общихъ, панахъ, паницихъ, вообще о деревенской политикѣ. Словомъ: соплились прихожане у старшаго своего пріятеля и главы и ведутъ рѣчи по душѣ. Поговорили—опять начинали: „дай Боже здоровья“... Иногда и въ третій разъ здоровались. Но дошьяна при этомъ никогда не напивались. Это послѣднее случалось только тогда, когда у отца сойдутся два—три пріятеля изъ прихожанъ и застанутъ его безъ дѣла, въ скупѣ и

тоскѣ, въ которую онъ часто впадалъ съ постепенною переменною всѣхъ условій быта въ деревнѣ. Отецъ радъ тогда пріятелямъ. Пойдутъ тоскливыя рѣчи про личное и общее горе, про старыя времена, когда и людямъ было легче, и священникамъ лучше... На столѣ появляется „ястіе и питіе“, рѣчи становятся веселѣе, духъ бодрѣе, чувства несутся, какъ волны—то приливъ, то отливъ; оживленіе, достигши извѣстной степени, вдругъ понижается, снова попили тоскливыя рѣчи. Откуда-то появляется дякъ, всегда чуткій къ подобнымъ собраніямъ у отца и умѣющій вторить чувствамъ его, выступаемъ и мы съ братомъ на сцену и начинается: „Хвалите Господа съ небесъ“... „Излій на мя, Боже“... „Горе мнѣ грѣшнику сушу“... Вдругъ отецъ громко начинаетъ: „Ой, у полі могила“... Въ этой пѣснѣ соединены были два тяжкія для сердца отца событія въ его жизни: вдовство его и изломанная доля старшаго сына:

Ой, у полі річка,
Черезъ річку кладка,—
Не покидай, козаченьку,
Рідненького батька.

Бо якъ батька покинешь,
То й самъ марне загинешь,
Річенькою быстренькою
На Дунай запланешь...

Уже на этихъ словахъ голосъ отца дрожалъ, слезы текли изъ глазъ его, онъ употреблялъ усилія, чтобы допѣть послѣдніе стихи:

А вдарився бідный вдовецъ
Та въ полі руками,—
Дітки мои дрибненькіи,
Пропавъ-же я зъ вами.

Тутъ отецъ падалъ ничкомъ на „канайку“, долго и громко рыдалъ и всѣ плакали. Эта пѣсня неизмѣнно являлась на сцену и не теряла своего значенія для отца даже тогда, когда „дітки“ давно уже перестали быть „дрибненькими“ и мы съ братомъ были уже „богословами“, а сестра невѣстою...

Безъ сомнѣнія, что отецъ бывалъ въ гостяхъ у своихъ прихожанъ и не только на поминкахъ, но и безъ всякаго повода, по

пріязни, и неразъ возвращался изъ гостей хмѣльной. Когда мы съ братомъ были уже „богословами“ и достаточно уже полированы были семинарщиною, мы иногда вступали съ отцомъ въ препирательство на счетъ подобнаго братанья съ „мужиками“. Отецъ очень сердился на насъ въ подобномъ случаѣ и бранилъ „новыхъ“ священниковъ за отчужденіе отъ „мужика“. „Со мною, говаривалъ онъ, мужикъ выпьетъ и Бога не забываетъ, а безъ меня сойдутся — напьются какъ свиньи, дерутся, сквернословятъ, въ корчму идутъ... Мужикъ пьетъ не изъ роскоши, но по трудахъ или съ горя. Не пить ему нельзя, но нужно беречь его, чтобъ не пропивался“... Конечно, это не были принципы, изъ которыхъ возникали отношенія моего отца къ прихожанамъ, но оправданіе непонятной для него и неумолимой силы старины, воспитавшей такія отношенія и поставившей священника фактическимъ и единственнымъ въ то время руководителемъ народной нравственности. Теперь не то, теперь и писарь, и старшина, и посредникъ, и мировой судья, и становой — все опекуны народа, всякій скажетъ: „не ваше, батюшка, дѣло мѣшаться въ крестьянскія дѣла“... Прежде было другое; погрозить бывало развѣ становой, да всѣ люди знаютъ, что это онъ — „съ дуру“ да и прійдетъ онъ въ село разъ—два въ году, чтобы сдѣлать честь „пану“, взять съ него „получку“, а старыя отношенія въ селѣ продолжали царить по прежнему. Вотъ бывало ночью гдѣ-то на селѣ слышенъ крикъ, шумятъ, бушуютъ. Отецъ тотъ часъ посылаетъ дьяка, старосту — немедленно прекратить шумъ. Слышишь пьяныя пѣсни, хохотъ, пьяное веселье — опять командируется староста, дьякъ, сторожъ церковный съ прибавленіемъ: „скажите, что, если не послушаются, самъ приду съ палицею, да котораго нибудь такъ попотчую, что два дня будетъ чесаться“... Приходитъ баба: „ой, батюшка, чоловікъ пье, та мене и дітей убиває!“... Беретъ отецъ палку, кликнетъ дьяка, старосту и идетъ — и вѣроятно судъ былъ скорый, правый, хотя и несовсѣмъ милостивый. Диву дался однажды отецъ мой, когда совершенно случайно узналъ, что священникъ по чину то-же, что и капитанъ. Это важное открытіе сдѣлалъ для него братъ жены его, священникъ „изъ философовъ“, кутыло и драчунъ, рассказавшій ему при этомъ, какъ онъ заставилъ одного юнкера, чванившагося предъ нимъ своимъ чиномъ, сдѣлать „руки по швамъ“, когда показалъ ему табель о рангахъ въ духовенствѣ, гдѣ священ-

никъ поставленъ въ одномъ рангѣ съ капитаномъ. Отецъ, никогда не подозрѣвавшій на себѣ чина, да еще такого высокаго, дня два ходилъ совсѣмъ смущенный, повторяя про себя: „капитанъ... капитанъ... то мужикъ уже повиненъ ждать и трепетать у мене передъ крыльцомъ, а не входитъ въ покои“?.. (такъ внушалъ „философъ“ въ силу капитанскаго чина). Но „философскій“ соблазнъ скоро пропелъ, и отецъ по прежнему не выходилъ изъ роли „псалтирника“ въ отношеніи къ своимъ прихожанамъ и вспоминалъ о своемъ великомъ чинѣ только въ раздраженіи противъ помѣщика или становаго, самодовольно поговаривая: „не посміе, короткі руки... я—капитанъ“!..

Такъ до конца отецъ остался вѣренъ завѣтамъ старины. Новыя порядки, новыя вѣянія какъ волны наступали на него со всѣхъ сторонъ, но онъ стойко и упрямо отбивался отъ нихъ, сколько хватало у него силъ. Онъ не только не былъ врагомъ новыхъ требованій, но напротивъ благословлялъ имя императора Николая, приписывая ему лично инициативу всѣхъ этихъ требованій, тѣмъ болѣе, что каждое распоряженіе начиналось: „По указу Его императорскаго величества —ская духовная консисторія *слушамъ*“... Но „слушали“ и „приказали“ большею частію не походятъ предъ нимъ одно на другое и ему все казалось, что „царь не того хоче, що приказали“. Онъ слезами радости встрѣтилъ насъ, когда мы, пріѣхавъ на каникулы, показали ему свои виды въ доказательство, что мы „переведены въ богословіе“, но онъ почти ни въ чемъ не могъ сойтись съ священниками—„богословами“ и чуждался быта ихъ. Онъ радовался установленію „инвентарей“, но всегда твердилъ, что съ введеніемъ инвентарей для народа пошло все хуже и для всѣхъ стало невыносимо. Не умѣла старина понять новизны, какъ и новизна съ пренебреженіемъ относилась къ старинѣ. Таковъ ужъ историческій грѣхъ нашихъ реформъ! Новыя отношенія, созданныя введеніемъ инвентарей, всего болѣе подкосили энергію отца. Озлобленные паны дѣлали изъ мухи слона, ждали крестьянскихъ возстаній, рѣзали поляковъ, въ непослушаніи, спорахъ за черту владѣнія, тѣмъ болѣе въ похвальбѣ изъ-за угла видѣли бунтъ, просили о присылкѣ войскъ, и крестьяне жестоко платились за свою полуволю. Священники возбудили противъ себя сильное неудовольствіе со стороны прихожанъ за устраненіе отъ всякихъ обь-

ясненій инвентарныхъ правилъ и отъ всякихъ ходатайствъ по дѣламъ ихъ предъ помѣщикомъ и предъ властями. Крестыяне не могли вѣрить, чтобы священникамъ запрещены были всякія объясненія по этимъ дѣламъ, потому что на глазахъ ихъ въ церкви имъ вручались исправниками инвентарныя правила, причѣмъ объявлено было, что за всѣми объясненіями правилъ должно обращаться къ священнику. Нѣкоторые священники уступали напору крестыянъ, но крестыяне отъ этого ничего не выигрывали, а смѣльчаки—священники попадали подъ арестъ, па эпителию, лишались своихъ приходовъ. Новая порода священниковъ хотѣла жить сообразно съ потребностями „образованнаго человѣка“ (капитана?) и, пользуясь инвентарными правилами, возлагавшими на крестыянъ обязанность на свой счетъ строить священникамъ дома и службы, пахать поля, убирать хлѣбъ, требовали постройки домовъ не хуже, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, въ какихъ жили панскіе экономы,—чтобы была передняя, залъ, семейныя комнаты, капцелярія для пріема „мужиковъ“, требовали крестыянъ на работу, а въ случаѣ отказа, обращались къ эконому или помѣщику, который чрезъ своихъ агентовъ заказывалъ по селу: „на панцину до попа“. Въ воображеніи крестыянъ священникъ сталъ рядомъ съ помѣщикомъ—голякомъ! Въмѣсто одной панцины явилось двѣ! Бывали случаи, что крестыянъ пороли на панскомъ дворѣ, да еще иногда при становомъ, за уклоненіе отъ „панцины“ священнику. Отецъ мой, никогда не прибѣгавшій къ панцинѣ, довольствовавшійся все тѣмъ-же домикомъ съ глинянымъ поломъ, все болѣе и болѣе ниснулъ въ виду происходившей сумятицы въ отношеніяхъ между священниками и прихожанами и въ цѣлой сферѣ деревни. Оставшись одинокимъ среди новыхъ священниковъ, бодро выносившихъ новый духъ, требованія времени, совершенно замкнувшись въ своемъ приходѣ, онъ и тутъ не находилъ уже покоя. Изъ сосѣднихъ приходовъ толки, настроенія проникали и въ его приходъ и производили подѣльчасть недоразумѣнія. Новые священники критиковали его братанье съ „мужиками“, его воззрѣнія на свои обязанности, па все, чѣмъ онъ жилъ и дышалъ всю жизнь, собственныя дѣти его какъ будто больше лънули на сторону священниковъ—„богослововъ“... Онъ началъ терять увѣренность въ себѣ, быстро сталъ падать въ энергіи и физическихъ силахъ, считалъ себя лишнимъ на свѣтѣ, поджидалъ только жениха

для дочери, чтобы уступить ему приходъ. Заслышитъ бывало крикъ, шумъ въ деревнѣ, буйное веселіе и крикнетъ: „эй, позовите старосту“. Приходитъ староста; отецъ уже запинается и переводитъ разговоръ на совершенно иной предметъ. Выйдетъ бывало на царскія врата и начнетъ: „що то у насъ, люде добрі, въ селі повелось? Пьяпство, распутство... Бога не боітесь уже? Хотите, щобъ я“... и оборвалъ... почешется въ головѣ, махнетъ рукою и слѣпшитъ окончить литургію. „Ну ихъ, потомъ объясняетъ намъ, скажутъ еще, что вмѣшиваюсь въ дѣла крестьянъ, еще на эпитимію пошлютъ“... Какъ дубъ, подточенный въ корняхъ, повалился этотъ послѣдній представитель старины въ своемъ околоткѣ.

Въ 1853 году отецъ уступилъ свой приходъ зятю, а чрезъ два года скончался.

Н.

(Продолженіе будетъ).